

ПАСЫНКИ БЕЗМОЛВИЯ

Андрей ФРОЛОВ

НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКА

Андрей Фролов
Пасынки безмолвия

«ЭКСМО»

2013

Фролов А. Е.

Пасынки безмолвия / А. Е. Фролов — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66731-4

Сибирь, 2261 год. Человечество эволюционировало, в корне изменив способы коммуникаций, добившись настоящего прорыва в технологиях и уничтожив большую часть обитаемого мира. Но изменился ли человек? Пашка Сорока – молодой торговец оружием и припасами – рискованно играет с судьбой и вытягивает несчастливый билет. Яна Погремушка – опытный егерь из Циферблата – остервенело зарывается под землю, чтобы выкрасть очередной секрет Девяти Куполов. Лишенные дара речи корпатрицианты презрительно именуют обитателей Циферблата пустышечниками и выходят на ритуальную охоту, облачившись в бронированные скафандры. Их всех ждет Заповедник и стеклянная башня «Голиаф», где пересекаются все пути. Именно на ее вершине станет ясно, может ли слово ранить, кто в этом мире остался зверем, а кто превратился в человека...

ISBN 978-5-699-66731-4

© Фролов А. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	6
2	14
3	19
4	24
5	29
6	35
7	40
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Фролов

Пасынки безмолвия

© Фролов А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их.

И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему,

И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

Ветхий Завет

«Вид Homo Sapiens – вовсе не вершина эволюции, и человек будущего будет резко отличаться от современного, и структуры мозга будут изменены по существу».

В. Вернадский

Всякая сорока от своего языка гинет.

Русская народная пословица

Программа феи подошла к концу, с гладким шелестом опустился виртуальный занавес. В сознании Петроса тут же запестрили фамилии сценаристов, спонсоров и номенклатуры министерств, под контролем которых разрабатывалась иллюзия. Одновременно мозг получил сигнал к пробуждению, с привычной нежностью возвращая мужчину в реальность.

Не спеша покидать теплую постель, Петрос потянулся. Впитал последние крупинки сладкой тяжести. Открыл глаза, с прищуром улыбнулся ослепительному рассвету за окном. Снял с головы невесомый обруч «Волшебника».

Кристиния уже выбиралась из-под персонального одеяла, потирая лицо и заразительно зевая. С правдоподобным шуршанием разошлись электронные шторы панорамного окна, позволяя взгляду светила полновластно ворваться в спальню.

Мужчина перевернулся на бок. Успел поймать супругу за ладонь до того, как Кристиния исчезла в ванной комнате. Сжал пальцы, получив сонное пожатие в ответ.

«Удовлетворительное утро», – игриво протранслировал Петрос.

«Новый день», – вернулось в ответ.

Реакция была слабой, мимолетной, что выдавало уязвимое расположение духа. Вероятно, сегодня Кристиния выбрала не самую подходящую фею...

Супруга выскользнула из его руки. Скрылась за дверью ванной, тут же зашумела вода. Вернувшись на свою половину ложа, Петрос опустил ноги на гладкий теплый пол. Еще несколько секунд сидел на кровати, глядя в окно. За ним, разбиваясь на миллиарды звезд о зеркальные стены небоскребов, ликовало летнее солнце. В его лучах толстая изнанка Пятого Купола сверкала, словно новенькая новогодняя игрушка.

Петрос встал, стягивая пижаму. Провел рукой вдоль управляющего квартирой планшета, включая музыку. Выставил ритмы настроения на максимальный уровень, открыл шкаф. Может быть, настроение супруге вернет мелодия?

Кристиния вышла из ванной, когда Петрос заканчивал утреннюю гимнастику. На ее лице действительно светилась улыбка, и теперь пожатие женщины было уверенным, наполненным теплотой.

«Испытываю душевное равновесие и покой», – передала она, проведя пальцами по его небритой щеке.

«Испытываю удовлетворение, находясь рядом с тобой», – послал он в ответ, отправившись умываться.

Открыл воду, намазал скулы эпилирующим раствором, включил радио.

Снизу вверх из-под смесителя к шее протянулась радужная дуга. Поток оказался неразборчивым, и мужчина скосил глаза. Заметив, что лучи уперлись в слой пены, сместил гибкий шнур радиостанции левее и выше, нацелив объектив себе в висок. Цвет тут же преобразовался в информацию, и Петрос закончил бритье, прослушав утренний выпуск новостей.

«Новый этап вторичного награждения победителей начнется после обеда, – сообщила дикторша, параллельно передавая котировки акций и прогноз погоды. – На этот раз обладателем путевки и главой жюри стал заместитель директора по инвестированию компании «Конструкции «СибСтрой» Артемидий Селиванов».

Петрос задумчиво поджал губу.

Он не был ярым сторонником охоты на пустышечников. Но и противником тоже не был. Пусть те выглядели как настоящие люди, таковыми все равно не являлись. Собака и волк когда-то тоже принадлежали к одному биологическому семейству... Но одно дело уничтожать дикие стаи скуднодухих, угрожающие благополучию Новосибирска, и совсем другое – устраивать сафари в поисках удовлетворения, напиваясь чем-то темным и кровожадным.

Из спальни раздалась трель телефона.

Кристиния, не успевшая уйти на кухню готовить завтрак, ответила на вызов. Скребок счищая со щек пену, перемешанную со щетиной, Петрос представил супругу – босую, в легкой розовой пижаме, держащую хрупкие ладони над световыми планшетами телефона. Кто может сигнализировать так рано?

«Фамилии еще четверых членов жюри, отправляющихся в социально ответственное, закаляющее характер путешествие, пока не разглашаются, – продолжала дикторша. – Предполагается, что ими станут члены семьи Селиванова или близкие деловые партнеры. Розыгрыш путевок на следующий лунный цикл запланирован на ближайший вторник, у желающих еще есть время подать заявку. О новостях культуры: вчера вечером в Театре оперы и балета с аншлагом состоялась премьера гала-представления «Я бы не смог продолжать физического существования, если бы ты не находилась в пределах досягаемости». Труппу режиссера Протанина, готовившую представление несколько лунных циклов, трижды вызывали на бис, чтобы аплодисментами и персонифицированными сигналами выразить свое одобрение отточенному симбиозу танца и светового шоу...»

Дальше Петрос уже не слушал, выключив радио и воду.

В ванную заглянула Кристиния, жестами дав понять, что вызов ждет именно его. Вытершись, Петрос погасил свет, возвращаясь в спальню.

Видеодисплей аппарата занимало улыбающееся лицо Евгения, его давнего рабочего напарника. Наверняка будет просить заступничества перед начальством, другие причины выбивались из рамок ожидания. Положив левую ладонь на принимающий планшет, искрящийся сотнями оттенков, правую Петрос опустил на передатчик.

«Рад, что вижу тебя, – поздоровался коллега. – Мои предположения подсказывают, что вы уже бодрствуете и вызов не заставил семью прервать своих фей».

«Корректно, Евгений. – Петрос передал аппарату цветовую шифровку транслируемых эмоций. – Есть причина для разговора?»

«Миния разболелась ночью, – поступил ответ, полный недовольства и сожаления. – Попроси за меня бригадира не вводить штрафные санкции до обеда. Все доказательства посещения больницы я предоставлю сразу по прибытии».

«Невозможность персонального сообщения? – Петрос добавил недопонимания. Но тут же вспомнил, что нынешней сменой управляет Лисницкий. – Отсутствие обязательств при ответе на предыдущий вопрос. Все сделаю».

«Испытываю благодарность», – попросился Евгений и прервал соединение.

Лисницкий и Евгений не очень симпатизировали друг другу. Даже в релаксационном клубе, который бригада полным коллективом в обязательном порядке посещала раз в цикл, они не могли установить полного контакта. А это не лучшим образом сказывалось на взаимоотношении начальника и подчиненного.

Петрос понимал товарища: ему будет значительно проще лично убедить бригадира не включать систему штрафов, пока Евгений не предоставит доказательства необходимости отлучки. Отстаивать незаконность наказания в суде – нелегкое дело...

Открыв шкаф, мужчина степенно принялся одеваться и через несколько минут направился в кухню. Юная Аврора, недавно отметившая свой 98-й цикл, улыбнулась отцу, помахав рукой. Она уже сидела за уютным семейным столом, с нетерпением посматривая на горячую кашу. Кристиния возилась у кухонного комбайна, программируя варку чая.

«Вспоминаю радость, когда вижу тебя». – Дочь ухватила руку отца, протранслировав быстро и неразборчиво.

«Неверно. – Он наклонился, целуя девочку в лоб. – Верно: испытываю радость. Я испытываю доброту».

«Ты лучший представитель системы воспитания детей».

Усевшись напротив, он положил левую руку на личную телевизионную панель, вмонтированную в край стола. Выбрал ленту новостей, принявшись впитывать образы, пока общался с дочерью. По коже прокатилось знакомое жжение, покалывание, а затем он разобрал печатные строки, плывущие перед внутренним взором.

«Таким образом, представители корпорации «Агромех» утверждают, что урожай станет соответствовать растущим запросам города, а уже к десятому лунному циклу хранилища Девяти Куполов будут заполнены зерном на 95 %», – походя успел впитать Петрос, поворачиваясь к Авроре.

В правой руке он все еще сжимал ее крохотные пальчики.

«Что будут преподавать в школе?» – Глава семейства сопроводил вопрос легким пожатием, передавшим заботу и необходимую строгость.

«Историю XX века. – В потоке, пришедшем от девочки, Петрос разобрал скуку. – Будем знакомиться с первооткрывателями кожно-оптического восприятия».

«Ошибочная реакция, – мягко укорил он. – Если бы не первые эксперименты, человеческая эволюция никогда не получила бы такого мощного импульса. Подрастающие поколения должны знать, как все начиналось».

От общения отвлекла Кристиния, жестами предложив выбрать между омлетом или кашей. Петрос предпочел омлет, и супруга тут же ввела программу в кухонный компьютер.

Комбайн считал информацию, просканировал татуировку на изящной женской шее. Отминусовав от семейного счета нужное количество рублей, подал заказ на продовольственный склад. Через несколько секунд заявка получила одобрение, и ящик пневмопочты издал короткую трель. Вынув из посылки упаковку искусственных яиц, Кристиния принялась жарить омлет и тосты.

«В какой час у тебя начинается работа?» – Петрос вернулся к общению с дочерью.

«После окончания занятий. – На этот раз пришедший от ребенка сигнал был полон воодушевления: по всему выходило, что Авроре очень нравилось новое место приложения сил. – Нам в бригаду добавили еще двоих, по восемьдесят циклов, они справляются удовлетворительно. Сегодня мы снова будем устраивать атаку на сеть корпорации «Фундамент». Мы заняты поиском ошибок и дыр, а потом специальные специалисты эти ошибки исправляют».

«Ты умная», – с теплотой передал Петрос, выпуская руку дочери.

С тех пор, как девочка тоже начала зарабатывать, их семейный счет окреп и перестал испытывать дефицит. Они даже стали позволять себе редкие походы в один из ресторанов Первого Купола.

Кристиния поставила перед супругом тарелку с завтраком и чашку чая. Себе взяла единственный тост, покрытый джемом. Уселась посредине, и все трое соединили подушечки пальцев.

«Благодарность Единому Божеству за еду и полное света существование», – вразнобой, но искренне поделились члены семьи друг с другом, после чего принялись за еду.

В полной тишине позвякивала посуда, и только скрипели по матовому стеклу планшета пальцы Петроса, листавшего новостные ленты. В Восьмом Куполе опять пропали люди. На этот раз молодая пара, вступившая в брачный союз на прошлой неделе. Не вышли на работу, не отвечали на звонки, их штрихи уже несколько дней не фиксировались ни одним устройством в городе. Тела еще не нашли, и официальную версию полиция выдвигать не спешила. Но журналисты склонялись к мнению, что не обошлось без пустышечников...

Коммутатор, связанный с подземными стоянками и магистралями, выставил на экране расчетное время прибытия школьного автобуса, и Аврора торопливо дожевала кашу. Запила сокосодержащим напитком, побежала в персональную комнату за портфелем. Кристиния проводила ее до порога квартиры, поцеловав на прощание и протранслировав что-то доброе. Проследила, чтобы дочь благополучно погрузилась в лифт.

Слушая, как супруга прикрывает дверь, Петрос вспомнил, что запомнил взглянуть на школьный дневник. Придется сделать это вечером или в обеденный перерыв по сети, если представится минутка.

Попрощавшись с Кристинией, он тоже покинул квартиру.

Через несколько минут начинался его вспомогательный рабочий день, и Петросу очень не хотелось начинать его на ходу. Спустившись в транспортные отсеки жилого небоскреба, он попал на многополосные подземные магистрали, пронзающие город во всех направлениях.

Кругом находились спешащие люди – такие же честные винтики, как он сам.

Старательно обходя друг друга, новосибирцы многочисленной, но разреженной массой текли на остановки общественного транспорта, приветливо и безинформативно улыбаясь друг другу. Улыбался и Петрос.

Первый автобус был переполнен, последние сидячие места заняли прямо перед Петросом. Но уже через двадцать секунд подоспел следующий автоматизированный перевозчик, и мужчина зашел в салон, устраиваясь у окна. Сканер над дверью считал штрих на шее, списав со счета деньги за проезд.

Мимо со свистом и шумом мельтешили скоростные трассы.

Умные автоматизированные транспорты развозили граждан по офисам и предприятиям. Между ними, как разноцветные конфеты в стеклянной вазе, ловко перекатывались машины технического обслуживания, медицинские фургоны и частные обтекаемые болиды бизнесменов или сенаторов.

Транспортное подземелье напоминало огромную трубу пневмопочты, по которой в разные стороны летели забитые людьми капсулы. Автоматическая система контроля безупречно справлялась со своей работой, не допуская ни единой задержки или, не позволив Божеству, аварии.

Положив портфель на колени, Петрос открыл клапан. Включил экран переносного компьютера, выдвинул планшеты, превращая обычное автобусное сиденье в полноценное рабочее место. Тридцать минут пути до стройки он привычно посвятит общению с теми, кто в этом нуждается. Платили за подработку немного, но в век спрессованных информационных валов и растущей динамики человеческого существования бездельничество считалось недопустимой роскошью...

Закрепив на голове обруч «Помощника», Петрос включился в общий канал.

Руки покоились на выдвижных стеклянных пластинах, одна из которых принимала информацию, а вторая позволяла отвечать. Почти сразу на левой загорелась радуга, подсветив ладонь снизу.

«Хороший день. – Он получил вызов, рассматривая женское лицо на экране. – Называйте меня Петрос».

Судя по данным, женщину звали Фотинией. Ей было полных 444 лунных цикла, и она работала в городском океанариуме, где содержались последние формы рыб и другой морской фауны. Оператор по диагонали просмотрел личное дело клиента. Прописана в Шестом Куполе, разведена, двое взрослых отпрысков живут отдельно.

«Испытываю радость, что смогла связаться с вашей организацией. –левой ладонью консультант получил встречный поток, слабый и блеклый, как рассвет одиннадцатого лунного цикла. Никакой радости в волне Петрос не находил, как бы ни пытался. – Испытываю надежду, что сможете мне помочь».

«Готов попробовать. – Его правая рука непрерывно двигалась, подбирая цветовые решения транслируемых эмоций. – Опишите сложившуюся ситуацию».

«Испытываю усталость. – Он с трудом разбирал, что именно Фотиния пыталась до него донести. Впрочем, о многом говорило и лицо: изможденное, как после бесфейной ночи, с кругами вокруг глаз и глубокими морщинками в уголках губ. – Не в состоянии разобраться. Меня переполняют необъяснимые ощущения. Испытываю угнетение».

Краем глаза Петрос изучил световые табло снаружи – автобус выскользнул из-под спального Пятого Купола, сейчас перемещаясь по герметичному внешнему тоннелю, соединявшему городские районы.

«Ощущаю, что сегодняшний день что-то для вас значит, Фотиния. – Он все еще пытался расшифровать ее поток. – Я верно предполагаю?»

«36 циклов назад в этот день к Божеству отправился мой супруг. Не уверена, что это имеет какое-то отношение к моим тревогам». – Поток стал еще тоньше и беднее на оттенки.

«Вы принимали алкоголь?»

Вопрос ударил в точку. Клиентка даже отшатнулась от камеры, установленной на домашнем телефоне. Петрос закрепил предположение искренним обещанием поддержки, посланным вдогонку.

«Я не нарушала установленных законом сроков потребления. И норм. – Теперь в поток добавился стыд, единственная яркая эмоция. – У меня есть запас объема, не израсходованный на прошлые именины сына».

«Все правильно, – поддержал ее Петрос, убедившись, что время дороги позволяет продолжать консультацию. – Но вы должны не хуже меня знать, какое угнетающее воздействие алкоголь оказывает на нервную систему. Заметил, собираете предметы старины?»

Теперь, когда Фотиния отодвинулась, он рассмотрел настоящий музейный экспонат, лежащий рядом на столе.

«Ошибочно. – Ее поток дрогнул, но заискрился чем-то новым, светло-желтым. – Эту вещь подарил мне супруг. На 120-й юбилей союза. Вчера испытала непреодолимое желание ее полистать».

«Часто получаете информацию из старых книг?» – Любопытство было непрошенным, но Петрос действительно не понимал людей, способных иметь дело с неудобными пережитками прошлого.

«Нет. Знаю, что вы обязаны доложить начальству о факте. Но моя книга официально зарегистрирована, можете считать код». – На несколько мгновений оторвав правую ладонь от планшета, она подняла дряхлый экземпляр перед камерой, позволив зафиксировать штрих.

«Испытываю неловкость за проявленный непрофессионализм и излишнее любопытство», – послал он Фотинии, когда женщина отложила экспонат.

«Это ваша работа. Испытываю удовлетворение от общения с вами».

«Готовы воспринять рекомендации?»

Таймер в углу экрана сообщал, что совсем скоро автобус доставит его к рабочей площадке в Девятом Куполе. Информация, транслируемая женщиной, передавалась практически мгновенно, так же, как его ответные реакции. А вот паузы между ответами... Они занимали по несколько минут.

«Корректно».

«Незамедлительно примите препараты, выводящие из организма алкалоиды. Сообщите в офис, что сегодня не выйдете на рабочее место; это сократит сумму штрафа вдвое. Примите препараты, усиливающие действие феи, запросите новую программу в центре социальной поддержки».

Петрос транслировал убедительно и искренне. Из всех сил стараясь не пустить в поток воспоминание, что уже не раз и даже не два говорил подобные слова незнакомым людям.

«Отправил в базу вашего домашнего компьютера список фей, которым стоит отдать предпочтение в сложившейся ситуации. Их хронометраж составляет всего пять часов, так что уже к вечеру вы избавитесь от гнета. После просмотра выбранной феи включите энергичную музыку, выставьте ритмы настроения на максимальный уровень. Поговорите с детьми, пригласите их на вечернюю трапезу. Если позволяют финансы, купите трансляцию кинофильма или концерта. Высока вероятность, что уже утром вы сможете забыть о существовавшей проблеме и отправитесь на работу».

«Испытываю признательность за оказанную помощь».

Кажется, советы подействовали и убедили женщину, что нужно делать.

«Испытываю удовлетворение, что сумел оказать помощь, Фотиния. Оплата за консультацию списана с вашего личного счета».

Он прервал связь и протранслировал коллегам, что уходит с общего канала – автобус окончательно вынырнул на поверхность, приближаясь к месту его основной работы. Свернув планшеты, Петрос закрыл портфель и направился к выходу.

Вместе с ним на остановке сошли сразу десять человек – все они спешно двинулись к воротам строительной площадки, над которыми возвышалось гигантское голографическое табло: «Новый жилой комплекс «Великолепие» на 2 000 апартаментов, срок сдачи: IV-й квартал 2262 периода солнечного обращения. Заказчик и подрядчик строительства: корпорация «Конструкции «СибСтрой».

Сканеры на входе прочитали штрих Петроса. Компьютер выдал рабочую карту нового дня. Турникеты распахнулись, пропуская на площадку, и мужчина окунулся в гул стройки, не замиравшей ни на секунду.

Массивная конструкция из железа и газобетона уже обрела очертания изящного небоскреба, поднимающегося под свод стеклянного купола, накрывавшего Девятый городской район. Было пыльно, не справлялись даже специальные промышленные кондиционеры, очищавшие воздух объекта.

По площадкам и широким эстакадам важно перемещались многоногие экскаваторы, грузовики и бетономешалки. Вдоль похожих на скелет боков «Великолепия» скользили монтажные люльки и рабочие лифты. На крыше недостроенного гиганта развевались флаги корпорации.

Сразу за проходной Петрос свернул направо.

Зашагал к модульному офису «ЭБ-2», потерянному в нагромождении других отделов. Когда стройка будет завершена, блоки офисной временки аккуратно разберут, переправив на

новое место. Поднявшись по двум лестницам к крыльцу своего блока, Петрос первым делом заглянул в кабинет бригадира.

Сегодняшнюю смену действительно возглавлял Лисницкий, уже приступивший к работе.

Поприветствовав начальника кивком, Петрос протянул руку, терпеливо дожидаясь, когда Лисницкий захочет обменяться информацией. Тот какое-то время демонстративно не замечал приглашения, но затем встал из-за стола, пожимая протянутую ладонь.

Петрос не пытался вкладывать в поток лишнего, чтобы ненароком не навредить напарнику. Передал историю о больной дочери Евгения, попросил не накладывать штрафов до обеда. Лисницкий впитывал поток без встречной реакции, но брови на переносице все же сошлись. Наконец бригадир вздохнул, протранслировав единственное:

«Удовлетворительно».

После чего вернулся к работе, больше не замечая присутствия Петроса.

Тот, незаметно вытерев руку о штанину, мягко выскользнул из кабинета. Вошел в личную кабину, сел за пульт. Идентифицировался, получил доступ согласно квалификации, ознакомился с планом работы на день.

Предстояло продолжить освоение восемнадцатого транспортного тоннеля, задействовав сразу пять машин: экскаватор, малый проходческий бур, грузовик для вывоза полезного шлама, бетонную пушку и трубоукладчик. Второстепенной задачей являлось обнаружение станции метрополитена «Мочище», существование которой с упорством буйных пытались доказать умники из исторического отдела.

Переключаясь между автоматизированными агрегатами, Петрос поочередно вывел ярко-желтую технику из бокса. Сформировал караван и, включив спецсигналы, направил колонну к тоннелю.

Не оборачиваясь, протянул свободную руку вправо, включил проигрыватель. Тесный кабинет заполнили приятные переливы, ненавязчивые и спокойные – в самую точку для сосредоточенной работы с серьезной тяжелой техникой. Включать смысловые баллады, наполненные сюжетом и мыслекомментариями исполнителя, операторам настрою запрещалось, чтобы не распылять внимание.

Музыка заставила Петроса задыхаться чуть чаще. Это отметили офисные приборы наблюдения, и он машинально отрегулировал пульс. Не стоило сжигать свои силы и разбалансировать настроение прямо с утра.

Проверяя системы управления бродячим экскаватором, он невольно вспомнил старинную потертую вещь возле телефона Фотинии. Как ноутбук, только внутри не клавиши или планшет, а ломкие страницы. Громоздко, неудобно. Нелепо, в конце концов. А еще можно порезать кожу на пальце. Что заставляет людей пользоваться антиквариатом в быту? Читать книги, слушать запрещенные смысловые баллады, в которых повествование озвучено отжившей свое речью? Или, упаси Божество, смотреть звуковые фильмы?

Петрос вздохнул.

Позволил музыке охватить себя всецело, наполнить голову и вытеснить лишнее. И приступил к ответственной работе. Это раньше музыкальные композиции слушали, чтобы вызвать в сознании вал воспоминаний, с которыми мелодия ассоциировалась. Сегодня, в век развития и просвещения, все иначе. Эволюцию совершило не только человечество, но и искусство. Так же, как феи, музыка подбиралась индивидуально и согласно поставленной задаче – отдохнуть, получить заряд возбуждения, сосредоточиться...

Караван начал спускаться в подземную часть стройки.

Координируя действия с транспортной картой, Петрос пропустил несколько бульдозеров, выбиравшихся на поверхность, активировал системы освещения. Камеры, установленные на технике, фиксировали каждую деталь заваленных стен тоннеля, укрепленных пеноцементом.

Остановив цепочку машин у поворота в нужный коридор, Петрос переключился на управление буром, двинув вперед его могучий корпус. Где-то впереди, согласно схемам, залежали подземные коммуникации Старого Города, которые при строительстве новой транспортной системы предстояло аккуратно миновать. Сверившись с предоставленными координатами и данными глубинного зондирования, он начал бурение, работая осторожно, но быстро.

2

«Какими категориями определяется «человечность» сознания? Его способность создавать конструктивное сверхсоциальное общество? Что позволяет доминировать одному виду над иными в многообразии их, выделяться интеллектом или умением приспосабливаться, самосовершенствоваться и устанавливать поведенческие нормы? Ведь современная биология знает массу примеров проявления недюжинных способностей без всякой попытки превалировать над собратьями по экосистеме... Так, например, проживавшие огромными, до десяти миллионов особей, колониями пингвины имеют весьма развитый язык общения, базирующийся на взмахе крыльями, утробных звуках и качании головами. Эти уникальные вымирающие птицы даже умеют выставлять дозорных, которые, отслужив смену, совершенно по-человечески будят своих собратьев, призывая заступить на службу».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

– Бодрячка заварил?

– Чего?..

Дремота никак не хотела отпускать, делая речь бессвязной.

– Бодрячка, спрашиваю, заварил уже?

– Вставай, балбес, опять на работу опоздаешь... – В руку ткнулась теплая железная кружка, благоухающая ароматами свежесваренной соломы.

Неугомонный Ливень мотался по общей комнате, одеваясь и жуя. Казалось, время на сон он не тратит принципиально.

– Убегаю, сегодня моя смена. Не забыл, надеюсь? После обеда придет Тугой, заплатишь ему за квартиру, деньги в тайнике. Да, кстати, это уже второй месяц, как я за двоих башляю, в курсе? Ты мне уже на триста целковых торчишь.

– Да помню, помню... – Сорока поскреб редкую бороденку. Нагнулся, свободной рукой нашаривая под койкой носки. – На днях Сливоносый ээпэ выдаст, рассчитаюсь...

Он глотнул горького, но мигом прочищающего сознание напитка. Скривился, заставив себя допить до дна. Со стуком поставил пустую кружку на фанерную прикроватную тумбу, чуть не уронив сломанный вентилятор.

Побрел в сортир. Отлив в специальный бак, прополоскал зубы защитной жидкостью.

– Надо помои вынести, уже через край льет... – Парень вернулся в комнату, все еще пошатываясь. – И за водой сходить, на дне едва осталось.

– На выходных сходим, ага...

Сон был тяжким, сумбурным. Такие еще долго не отпускают, после себя оставляя лишь зловонный провал или обрывки неприятных образов.

В квартиру, которую они снимали на пару с Ливнем, медленно вливалась утренняя жара. Солнце, окончательно проснувшееся и осмелевшее, пыталось пробраться внутрь, выискивая бреши в дырявых шторах. Солнце, которого всегда мало, даже когда загорелая кожа начинает шелушиться и чесаться.

– Пожрать есть чего?

Сорока наконец нащупал под кроватью носки. Надел мешковатые оливковые штаны, сунул ноги в разношенные ботинки с высоким голенищем.

– Пара сосисок на сковородке, хавай. – Ливень натянул кепку, принялся собирать сумку: бросил внутрь пару перчаток из тефлоновой ткани, скомкал фартук, стеганный такой же армированной нитью. – Сегодня обещали паяк, так что ужин с меня, не заморачивайся.

– Добро... – Почесывая голое пузо, Сорока прошлепал на кухню, вдыхая запах сосисок, не имеющих ничего общего с мясом. – Я тогда самогонки раздобуду.

– Есть повод?

– А он нужен?

Ливень рассмеялся, залиvisto и заразительно.

Иногда Сорока искренне благодарил судьбу за друга, с которым жизнь свела восемь лет назад. Бывали в их непростой житухе моменты, когда удержаться на плаву обоим позволяли только его оптимизм или верткость...

Подобрав со спинки стула мятую майку, парень набросил ее на голову, на ощупь пытаясь включить радио. Чуть не своротил приемник с холодильной камеры, ругнулся. Ругнулся снова, сонно вернулся в комнату, забрал кружку. Налил еще бодрячка, глотнул.

– А для тех, кто только что присоединился, – ловко подловил его ведущий сквозь легкую трескотню помех, – напоминаем, что температура сегодня составит примерно двадцать семь градусов выше нуля, осадков не предвидится. Во всяком случае, из окна нашей радиостанции я вижу кристально-чистое небо. Возрадуемся же, дети мои.

Сорока сел за кухонный стол. Вывалил еще теплые колбаски в пластиковую тарелку, из которой чуть раньше ел Ливень. Тот все еще возился в коридоре, шнуруя ботинки.

Компаньон работал сортировщиком на свалке – одном из самых крупных и прибыльных предприятий Циферблата. Туда стекались потоки мусора из Пробирок, содержащие все необходимое для поддержания жизнедеятельности их умирающего города.

– Настало время объявить очередного победителя Лотереи! – продолжал упиваться солнечным летним утром ведущий радиопередачи. – Буквально через несколько секунд я назову фамилию счастливого, а вы, уважаемые радиослушатели, пока трепещите в ожидании. Трепещите, я говорю!

– Что за пальба ночью была, не сообщали?

Охваченный тоскливым ожиданием, но старавшийся этого не показать, Сорока сунул в рот первую сосиску. Закусил пресной галетой.

– Нет. – Ливень закинул сумку за спину. – Бандосы, стопудово, никто даже желтопузых не вызвал. Ты слушай, слушай. – Выглянув из коридора в кухню, он многозначительно кивнул на радиоприемник. – Вдруг сегодня вечером будем в «Загуле» пировать, вспоминая о прошлом как о страшном сне?

Мусорщик хохотнул, а Сорока показал ему неприличный жест.

Он уже давно разочаровался в Лотерее и временами даже жалел, что вообще подал заявку. В конце концов, это было небезопасно. Хотя что вообще безопасно в современном мире?

И все равно, пусть и в безверии, когда по радио объявляли фамилии, сердце замирало...

– Итак... Вскрываю конверт... – Ведущий выдержал драматическую паузу, а барабанная дробь усилила эффект. – Один миллион июньских рублей выигрывает Лариса Бажанова из Восьмичасового Сектора! Поздравляем счастливую обладательницу этой огромной суммы и желаем ей с умом распорядиться богатством. Если в данный момент Лариса не слушает нашу станцию, найдите ее и сообщите эту радостную новость! Как можно скорее найдите, вы слышите меня?! Вот так сюрприз, право слово...

– Ну, значит, пока не судьба, – криво усмехнулся Ливень. – Но ты не грусти, старина. Лотерея – дело пожизненное, а тебе только двадцать три. Успеешь свою удачу словить, я верю...

– Ага, или пулю, – оскалился в ответ Сорока, запивая огорчение остывшим бодрячком.

На душе стало поганенько. Причем не только от того, что вместо фамилии Сорокин ведущий назвал какую-то Бажанову, но и от ожидания второй части розыгрыша...

– Да ну тебя! – отмахнулся компаньон. – На Циферблате живет почти шесть миллионов человек. И уж точно половина из них подала заявки на Лотерею. Сам смекни, какова вероятность, что «морковка» выпадет именно тебе?

– Откуда мне знать? – Сорока дожевывал сосиску, похрустел безвкусной галетой. – Я ж не математик...

– Чтобы не разрушать интригу, получателя неотвратимого «оранжевого билета» мы узнаем не сейчас, – заливался ведущий. – Допустим... в час дня. В это время я с нетерпением жду своих любимых радиослушателей у их приемников. Именно в час пополудни мы убедимся, что в мире и природе существует баланс, в нашем городе построенный на фундаменте равноправия и свободы воли...

Сорока торопливо дотянулся до приемника, выключил.

Настроение, и без того не самое радужное, испортилось еще сильнее. Ливень, помахав на прощание, выскочил вон. Щелкнули замки.

Окончательно потеряв аппетит, Сорока сунул остатки завтрака в холодильник. С недовольством отметил низкий уровень заряда аккумуляторов, взяв на заметку предстоящую чистку солнечных накопителей на крыше. Допил бодрячок, наконец-то почувствовав себя проснувшимся. Заправил майку в штаны, застегнул ремень. Подобрал с тумбочки нож, возвратил его в поясные ножны, снял с полки кепку и очки. Ливень прав – сегодня у него были все шансы снова опоздать на работу...

В подъезде воняло так, словно кто-то не просто нагадил, но после этого еще и сдох.

Брезгливо морщась, Сорока старательно запер дверь. В подъезде дома, подконтрольного Тугому, уцелело двести квартир, но только треть из них была заселена, часто становясь добычей наглых домушников. Несмотря на то, что воровать из их с Ливнем убежища толком нечего, дверь приятели все равно предпочитали держать на замках.

Перешагнув через полосу пыли, Сорока прошелся по специальной доске, спрыгнул на лестничный пролет. Засовы – это хорошо, но и конспирацию никто не отменял: перед квартирой компаньонов лежал серый слой пыли и гора мусора, придававшие площадке нежилой и заброшенный вид.

Скатившись с одиннадцатого этажа во двор, он сразу угодил под беспощадное солнце.

Напялил очки, поглубже натянул кепку. На самодельной площадке играли детишки, с ближайшего продуктового рынка неслись голоса зазывал. Жужжали электропеды почтальонов и посыльных.

Солнышко старалось изо всех сил. Нежное и беспощадное, такое всепроникающее, что хоть по-девчачьи кутайся в его лучики и блаженно наслаждайся истомой. Но это для бездельников. Тем, кто хотел жить лучше, не следовало поддаваться неге.

Широким шагом Сорока пересек двор, вышел на знакомую улицу.

Навстречу тут же устремились десятки торговцев, неспособных купить стационарное место. В лицо совали все подряд: батарейки, наркотики, бутылки с питьевой водой, солнцезащитные очки, кульки с тщедушной картошкой и прочий полезный хлам. Нахохлившись, парень принялся пробивать себе путь, словно старинный корабль среди льдов.

Свернул на еще одну улицу, срезал по мрачным переулкам, пригодным для движения только в светлое время суток. Выскочил на базарную площадь, козырнул поджарым бойцам Тугого, наблюдавшим за суетой с вышки.

Уверенно нырнул в лабиринт железных контейнеров. Ему, в отличие от другана, с работой повезло чуть меньше – не так давно взяли торговать на один из рынков Двухчасового Сектора.

Поплутав по рядам, Сорока выскочил к своему месту на пятнадцать минут позже положенного. И конечно же, Сливоносый Вардан уже был тут, поджидал у открытого контейнера.

Определенно, не задался денек...

– Тэбя гиде, пилять, носит, ушлепок? – Тучный и носатый хозяин Сороки всплеснул руками.

– Извините, задержался... – пробубнил тот, ныряя за прилавок. – Больше не повторится.

– Ах ты ж, гиденьш такой! – Когда Сливоносый торопился озвучить переполнявшие его эмоции, хозяина было довольно трудно понять. Хотя его было трудно понять и в обычном расположении духа. – Ты, пилять, на пятнадцать минут опоздал! Нэ нравится работа, я, об тавао маму, нового найду хоть сэйчас!

– Нравится, шеф, очень нравится... – Поджав губы, Сорока заставил себя покорно залезбездить в ответ. Взялся спешно раскладывать по витрине товары, сваленные в картонные ящики. – Прощу прощения...

На прилавок ровными рядами легли зарядные устройства, батареи высокой емкости, банки армейской тушенки, кобуры и пластины к бронежилетам, пакеты с махоркой и пистолеты.

– А это что? – Сорока чуть не запнулся о незнакомую коробку.

– Это, пилять, нужно на работа вовремя приходиться! – не унимался хозяин. – Сам тащил – чуть спину нэ сорвал, пока ты шаставаешь гдэ-то... Ночью стрэляли, слышал? Зиначит, на патроны будэт спрос. И на бинты. Раскладывай, об тавао маму!

Сорока чуть не охнул.

Неизвестно, где Сливоносый доставал свой товар, но в этот раз он превзошел сам себя. Вещицы явно не со свалки. Новенькие, многие даже в заводской полиэтиленовой упаковке или промасленной бумаге – медицинские наборы, упаковки пистолетных магазинов, коробочки с патронами. Присвистнув, парень начал выкладывать товар на самое видное место.

– Зиначит, вот это по пидисять рублэй будэш торговать, – тыча мясистым пальцем, распоряжался Вардан. – Вот это по дэсять. Это по сто. Эти – начинай с пятисот торговываться, понял?

Он прошелся по всему перечню завезенного товара, и Сорока послушно запомнил цифры. Послушно и виновато, как подобает опоздавшему холую...

Вообще-то работать на нерусь из крохотной общины считалось не очень хорошим тоном. Наверное, потому его и взяли так легко. Впрочем, продавец не рассчитывал задерживаться на новом месте надолго, хоть Сливоносому того знать и не полагалось.

Закончив с инструкциями, носатый купец побрел прочь, важно здороваясь с другими хозяевами контейнеров. Сорока, шумно выдохнув, упал на продавленный стул.

Перевел дух, растопил крохотную печку, на которой заваривал бодряк или лапшу. Подвешенное в дверях контейнера радио радостно пиликнуло – солнечная батарея набрала достаточную емкость. Включив музыкальную волну, парень настроился на обработку клиентов.

Их, надо заметить, оказалось немало.

То ли Сливоносый в самом деле угадал со спросом, то ли охочие на новенькие товары нашлись и без ночных происшествий, но уже к полудню Сорока продал два пистолета, четыре коробки с патронами и даже одну армейскую аптечку, выторговав за нее семьсот пятьдесят рублей. Семь сотен полагались боссу, остальное продавец ловко спрятал в секретный кармашек.

Учитывая, что на ужин Ливень обещал принести паек, а деньги за квартиру были отложены заблаговременно, вырученный бонус предстояло потратить на самогонку. Представив вечернее застолье, парень улыбнулся.

Жаркий летний день начинал играть новыми красками, обещая стать замечательным во всех отношениях...

3

«Для поддержания отношений в стае волки умеют использовать более полусотни мимических гримас и положений хвоста. Также немалую роль играет вой, с помощью которого осуществляется дистанционный контакт с сородичами или соперниками, а также выстраивается стратегия охоты. Однако при взаимодействии с человеком волк, в отличие от домашнего пса, гораздо охотнее и быстрее реагирует на движения рук и тела, нежели на вербальные похвалы или угрозы».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

Предыдущая драка с Леонидасом напоминала эффектный затяжной фейерверк.

Одна за другой в сознании расцветали яркие вспышки, отдаваясь болью там, где защита Артемидия давала слабину, а кулак друга-корпатрицианта и делового партнера смачно входил под ребра. Тогда интенсивность боя была крайне высокой, противники почти не тратили времени на выстраивание оборонительных рубежей, предпочитая атаковать, атаковать и снова атаковать.

Новый спарринг не был похож на череду огненных шаров, рассыпающих искры по логосам участников. Он походил на схватку змеи и скорпиона, завораживая немногочисленных зрителей гипнотической плавностью бойцов и выверенностью каждого движения.

Крепкие, мускулистые хозяева жизни кружили по мягкому квадрату ристалища. Под белой хлопчатобумажной тканью комбинезонов перекачивались рельефные мышцы.

Леонидас не спешил лезть вперед.

Выжидал, время от времени награждая друга метким точным выпадом, почти всегда достигавшим цели. Артемидий уворачивался, гибко стелился над татами, отвечал хлестко, точно и прицельно, вкладываясь в каждый удар всем телом.

Под сводами просторного зала, раскрашенного глянцево-белым, песочным и небесно-голубым, метались короткие вздохи и звуки ударов. Под тонкими резиновыми подошвами поскрипывала плоть ринга. Почти бесшумно работали климатизаторы.

На третьей минуте бинтовая повязка на левом запястье Лео ослабла, обнажая кожу.

Когда через тридцать две секунды его рука соприкоснулась со щекой Селиванова, тот уловил эмоции соперника. Считал азарт, старательно взвешенный и рассортированный по всей длительности поединка. Жгучее желание взять реванш, но не подставиться под фатальный выпад. И немного зависти, причина которой Артемидию была отлично известна...

Георгина и Элина, наблюдавшие за схваткой корпатрициантов из дальнего угла, томно охали, когда один из кавалеров пропускал удар. Элина доедала третий гамбургер – жирный, сочащийся каплями томатного сока, хранящий в недрах хлебной мидии огромный бифштекс, прожаренный на настоящих древесных углях.

Георгина, беспрестанно тискавшая миниатюрную болонку, на бой смотрела украдкой. И то лишь когда была уверена, что ее милый Леонидас наконец-то достанет противника. Все остальное внимание девушка уделяла собачке – скудоумному продукту генетического моделирования, никогда не линявшему и купированному в инстинктах так, что не смел укусить, даже если бы хозяйка начала его заживо резать.

Полусупруги скучали.

Высокие, длинноногие, отретушированные пластическими хирургами так, чтобы вызывать зависть у представительниц своего пола и неумное желание – у мужчин. Одеты обе были по самой последней моде: в короткие юбки, разноцветные чулки и короткие бежевые тоги, небрежно повязанные поверх пышных полуоткрытых грудей.

Наблюдать за противостоянием умов и тактикой боя женщинам было не очень увлекательно. Вот если бы высокорожденные осыпали друг друга градом беззаботных оплеух, напрочь забыв о защите...

Тяжело вздохнув и благостно погладив себя по заметно округлившемуся животику, Элина взялась за четвертый гамбургер. Артемидий, к изысканной прихоти подруги относившийся с плохо скрываемым недовольством, переместился так, чтобы зрительницы остались за спиной.

Наконец слуга, замерший в противоположном углу зала, ударил в крошечный гонг.

Улыбнувшись, Селиванов тут же отскочил от противника, не дав тому завершить атакующую комбинацию. Он видел досаду на лице Леонидаса, и поэтому улыбался еще шире. Одолеть замдиректора по инвестициям одному из его подчиненных удавалось лишь раз из пяти...

Размотав бинты на запястьях, тот протянул начальнику обе руки. Запыхавшийся, раскрасневшийся, довольный и достаточно злой. Избавившись от ткани и ответив на традиционное пожатие, Артемидий уловил чуть насмешливое:

«Ожидаю ответа, на высшем ли уровне мастерства я нанес тебе серию ударов?»

Лео улыбался, но весьма натянуто, еще сильнее возжелав реванша на следующей неделе.

«Ты нуждаешься в дальнейшем обучении искусству рукопашного боя, взрослый мужчина, похожий в бою на ребенка», – протранслировал ему в ответ Артемидий, допуская в свои эмоции чуточку насмешливости и превосходства.

«Испытываю гордость и удовлетворение от регулярных занятий с тобой», – уже сдержаннее и без малейшей тени зависти вернул ему Леонидас Бродов, коротко поклонившись.

«Испытываю глубокую приязнь от состязаний с тобой», – столь же церемонно передал Артемидий.

По просторному помещению, в котором разместился спортивный зал корпорации «Конструкции «СибСтрой», прокатился разноцветный перелив. Это Георгина, отвлекшись от игры с собачкой, транслировала так, чтобы было заметно всем присутствующим. В одной руке ее по-прежнему висел мохнатый комок. Другую кисть девушка опустила на лентовидный передатчик, опутывавший спортзал по периметру.

«Утомительное ожидание. Испытываю удовлетворение от завершения занятия. – Цветовые волны не могли до конца передать ее эмоций, но общий смысл улавливался. Миловидное кукольное личико, какие всегда нравились Лео и никогда не нравились его шефу, сложилось в капризную гримасу. – Насколько скоро вы приступите к главному?»

Отвечать на подобное нужды не было.

Мужчины неспешно прошли в раздевалку, где принялись стягивать тонкие спортивные комбинезоны, пропотевшие насквозь. Незримые тихие слуги вытянулись в струнку, держа наготове полотенца, гели и дезодоранты. Уже переступая порог, Артемидий заметил, что Элина с откровенным сожалением отложила недоеденный гамбургер на изящный кухонный столик, по такому поводу специально принесенный прислугой в спортблок.

Вздохнув, его полусупруга вынула из дорожного клатча неразлучные таблетки, стоившие корпатрицианту немалых денег. Проглотила одну, запив водой. Через полчаса после ее приема вредные жиры, лишние углеводы и холестерин вкуснейших гамбургеров будут бесследно уничтожены умным препаратом, настоящей радостью чревоугодников высшего света.

Спортсмены приняли душ.

Заглотили по горсти пилюль с индивидуально сбалансированными наборами витаминов и протеина. Вытерлись лучшими полотенцами, предложенными слугами. Надушились и приступили к облачению.

Но вместо привычных деловых костюмов из стального фиброшелка, в которые переодевались после тренировок, вынули из шкафчиков одежду иного рода – похожую на спортивные костюмы, облегающую, с жесткими пласторалевыми вставками на бедрах, коленях и локтях. Рабочий день, предстоящий высокопоставленным сотрудникам корпорации, обещал быть отнюдь не обычным.

«Уже проинформирован именем победителя?» – поинтересовался Лео, уважительно коснувшись тыльной стороны руки начальника.

«Корректно, на рассвете», – ответно протранслировал тот, застегивая липкое запястье так, чтобы рукав стал полностью герметичен.

Но перед этим успел бросить собеседнику яркий ответный образ, почерпнутый из вчерашних досье службы распределения победителей.

Синантроп примерно 280 циклов, высокий, темноволосый и худой, на чьей мордашке, как и у всех пустышечников, застыло выражение вечного голода, несправедливости и обиды. Самца кликали Павлом Сорокиным, он жил в секторе, который за границами Куполов именовали Трехчасовым, и, по полученной от разведывательных зондов информации, торговал на вещевом рынке. Заявку на участие в Лотерее подал почти 24 цикла назад.

Хмыкнув, Леонидас пожал плечами, что не укрылось от начальника.

«Недооценка напрасна. – Артемидий покачал головой, призывая коллегу не делать скоропалительных выводов. – Путевку пытались перекупить корпатрицианты из холдинга «ГорУправТранс». Пришлось настоять на своем».

Завершив переодевание, мужчины вернулись в прохладный зал для состязаний.

Двое высоких, подтянутых корпоративных божеств, повелителей вольготной жизни под сводами Куполов, сильных мира сего. И пусть психо-мнемонический конструкт не позволял целиком расшифровать смысл старинного понятия «корпоративный патриций», древний термин прорывался сквозь подкорку мозга, уверяя, что именно такого меткого образа высшие руководители промышленных гигантов и заслуживают...

Поманив полусупруг за собой, Артемидий и Лео покинули спортивный блок комплекса, просторными светлыми коридорами направившись в рабочую часть здания.

За огромными панорамными окнами сверкала изнанка Второго Купола – близко-близко, как того заслуживали самые высокопоставленные жители города. Солнце дробилось на шестигранных сегментах бронированного стекла, много поколений назад намертво сцепленных меж собой омертвевшей биоклейковиной.

Несмотря на дорогостоящую близость к небесному светилу, Селиванов не испытывал ни восторга, ни гордости. Мало того, что толстые бронированные соты лишали огненный шар пульса, превращая в нечто неживое, бездушное. Так еще и сам Артемидий, 431 цикл проживший в лучах патрицианского великолепия, уже давно не находил в звезде ничего интересного или романтического. Солнце, оно и есть солнце – было всегда, одинаково теплое и для бедняка, и для директора корпорации...

Бродов учтиво – тыльной стороной ладони прикасаясь к тыльной стороне ладони босса, – проинформировал:

«Снаряжение ожидает под зданием, транспорт готов».

Задержался на секунду, ожидая ответа, и получил его.

«Кто входит в команду?», – протранслировал Селиванов, по-прежнему отстраненно изучая виды многокупольного Новосибирска, щедро залитого солнечным светом.

Лео послал старшему товарищу четыре образа, дополнив подборку отдела корпоративной безопасности коротким всполохом сообщения:

«Сохранил в памяти, что ты испытывал удовлетворение от перемещения за победителем в обществе этих людей. Взвалил на плечи груз и преисполнился отваги подобрать новую команду на основании схожих принципов симпатии и эффективности командной работы».

Задержав мнемослайды перед психовзором, Артемидий внимательно взгляделся в лица членов жюри – корпатрициантских ликторов, облаченных честью сопровождать его в процессе награждения. Трех он хорошо помнил: с двумя ходил в прошлую экспедицию, с третьим – тринадцать лунных циклов назад. Четвертый был новеньким, но окружавший мнемослайд приязненный оттиск Лео гарантировал надежность и профессионализм.

Внезапно изучение образов было прервано. Причем самым бесцеремонным образом – Элина нежно подхватила Селиванова под локоть, разворачивая к себе. Георгина вцепилась в своего полусупруга, подтягивая поближе и образуя живое кольцо диалога на четверых.

«Юные мужчины берут с собой драгоценно-обожаемых спутниц? – одновременно, почти вперебой и весьма схоже в гаммах психоотпечатков, пропульсировали девушки, позволяя себе оттенки каприза и приближающейся обиды. – Большая просьба, ультимативная форма, необходимость верного решения!»

Корпатрицианты переглянулись. Ответил старший, как и полагалось по корпоративному этикету:

«Неприемлемая просьба, юные женщины, – как можно мягче и теплее сообщил подругам Артемидий. – Нет причин для расстройства настроения».

«Большая просьба! – почувствовал он в ответ, и на этот раз плаксивости в передаче прибавилось. – Большая просьба, большое желание!»

«Удовлетворительно, – сдавшись, отправил он и покачал головой, наблюдая за сдерживаемой улыбкой Бродова. – Но только до границ Периметра».

«Острое сожаление, – тут же бросила ему Элина, поджав губы. – Половинные меры. Скука».

Георгина, впрочем, так не считала, снова уделив внимание собачке и даже разомкнув беседу. Кажется, для нее главным оставалась не предвкушаемая радость от предстоящей поездки за победителем Лотереи, а факт уступки, на которую пошел шеф ее полусупруга.

«Награждение не является женским делом, – предварительно отпустив руку Лео, протранслировал Селиванов своей подруге. – Необозримо устойчивая данность».

Термин «всегда» Артемидий проиллюстрировал отпечатком чего-то древнего, не имевшего начала и не имеющего конца. Однако Элина тут же ухватила за такую подачу, начав транслировать сбивчиво и жадно:

«Мы проживаем в новом мире, мое единственное удовлетворение! Ты проинформирован, как высоко в системе жизненных ценностей я ставлю удовольствия и возможность разделить их с собой. Я научусь получать удовлетворение от наградений по аналогии с вкусной пищей и долгим соитием! Возьми меня следом?»

Представив, что в сегодняшней охоте его актуальная полусупруга будет столь же ненасытной, как в поедании вредной жирной пищи, Артемидий даже отстранился: не хотел, чтобы Элина уловила его мрачное веселье. Снова взяв девушку за тонкое обнаженное предплечье, он послал ответ отрицания – нежный, но решительный. Насупившись, та топнула каблучком, фыркнула и отвернулась, глядя на утренний город.

«Победителя скоро объявят официально», – мельком сообщил Селиванову Лео, намекая на недопустимость задержек.

«Желаю узнать решение, – снова прикоснувшись к Элине, бросил ей Артемидий. – Желание проехать совместно до Периметра?»

Но та снова фыркнула, выдергивая руку, отчего высокая грудь качнулась, выпадая из бесстыдно короткой и фривольно замотанной тоги. Артемидий вежливо улыбнулся. Пожал плечами, кивнул недоумевающей Георгине и развернулся на пятках.

Более не оборачиваясь, мужчины оставили полусупруг в светлом просторном коридоре, направившись к лифтам. На ходу Селиванов отстраненно размышлял, что в следующем цикле ему придется озаботить секретаря поисками новой спутницы...

4

«Уникальность пчелиного способа общения состоит в том, что он целиком основан на ритуальных танцах и положении тела коммуницирующей особи. В основном язык состоит из виляния, выписывания «восьмерок», кругов и поворотов на месте. С помощью этих двигательных комбинаций, основываясь на собранной ранее информации и положении солнца, пчела способна сообщить собратьям расстояние до источника корма, а также точное направление предстоящего полета».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

Нарушить тишину и пошевелиться Яну Погремушку заставил мерзкий паук.

До тошноты гадкое насекомое, здоровенное, наглое и, безусловно, опасное. Спустившееся с пыльного бетонного перекрытия на едва заметной нитке, примерявшееся на левое запястье. Ровно на то место, где верная перчатка с цепким шершавым покрытием была прорвана, обнажая смуглую кожу.

Плавным беззвучным движением поднявшись с пола, Яна перебросила арбалет в правую руку. Дождалась, когда паук спрыгнет на кусок пенобетонного кирпича, и точным ударом ноги раздавила ядовитую гадину, успевшую вскинуть лапы в боевой стойке.

Встряхнулась, наконец-то чихнув. Звонко, от души, от чего стойко удерживалась всю засаду.

Вообще-то в планы девушки входило пролежать без движения еще минут пятнадцать. Но это скорее для пушей надежности – переулочек остался гарантированно пустым. Все честно выжиданные полчаса. Если бы по следам егеря кто-то шел, она бы наверняка засекала преследователя...

Привалившись к краю оконного проема, Яна еще раз внимательно осмотрела подступы к зданию. Никого. Ни любопытных, ни желавших поживиться ее снаряжением. Вынула стрелу из титанового ложа, забрасывая невесомое оружие за спину. Болт с зазубренным наконечником вернулся в закрытый набедренный колчан.

Баклажанчик бы такой поспешности не одобрил – факт.

Он вообще предпочитал выжидать не меньше часа, такой вот шеф был терпеливый. И недоверчивый. Всегда считал, что наиболее вероятный способ для егеря сдохнуть – это наивно и несвоевременно уверовать, что оказался терпеливее того, кто жаждет покуситься на чужое имущество...

– Пусть, – привычно произнесла в ее сознании старшая сестра Ленка, чья непростая судьба определила и настоящее, и будущее всей семьи. – Баклажанчика поблизости нет, сестренка. А вот ты, Погря, за годы работы на детину-шефа уцелевшая в дюжине индивидуальных вылазок в Заповедник, есть.

Да, она – Погря – была.

Машинально кивнув, Яна согласилась с мысленными доводами погибшей сестры, молчаливые диалоги с которой вела в минуты неуверенности или психического напряжения. Она тут одна. И полагаться может только на себя. И если пятнадцать недосиженных минут будут стоять ей схватки, ну что ж... Проклятый паук!

Подняв с пола рюкзак и осмотрев – не прицепилось ли к брезентовому днищу иных ползучих гадов, – Погремушка забросила ношу на плечо. Поставила арбалет на предохранитель, чтобы случайно не врезали по заднице короткие взведенные дуги, на вид пластиковые, на ощупь – металлические. Память привычно откликнулась маячком-картинкой: Баклажанчик вручает ей оружие, грозное и хрупкое одновременно. На первую самостоятельную вылазку подопечной. Ничего надежнее и точнее она так подобрать и не смогла. Или не хотела, ведь самострел полностью удовлетворял запросам?

Яна принялась осторожно выбираться из пустой пыльной квартиры, час назад выбранной для обустройства засады. Шагала боязливо, будто по льду. На периферии Циферблата осмотрительность вообще стоило проявлять в трехкратных размерах. И дело было не только в бандитах, мародерах или забредавшем диком зверье – опасность тут подстерегала на каждом углу. Без преувеличения или метафор.

Старые перекрытия серо-бурых жилых домов; бледно-черный асфальт, натянувшийся над провалами обманчивой пленкой; ржавые растрескавшиеся переходные мосты, нависавшие над улицами, – все это в любой момент могло обвалиться само по себе, от старости и скрытых дефектов. Истории о егерях, сверзившихся в Старый Город и оставшихся там навсегда, до сих пор ходили по кабакам и рынкам. К тому же про уголовников, собирателей и хищников забывать тоже не стоило...

Спустившись с третьего этажа и предельно деликатно проскользнув наружу под нависшим подъездным козырьком, Яна минуту постояла в тени. После полумрака многоэтажки нужно было привыкнуть к яркому солнцу, штурмующему купола Инкубатора и отраженному миллионами огненных стрел. Да и темный ежик волос, по-мужски короткий и открывавший виски, от пыли отряхнуть не мешало.

На Погремушку налетел порыв ветра, в водовороте которого наиболее четко выделялись два аромата. Запах едкого машинного масла, которым для отгона живущих в подземке крыс была щедро смазана ее кожаная куртка. Запах неприятный, вязкий и въедливый, но необходимый при путешествиях вниз, где обретались существа с развитым обонянием.

И второй аромат – вековечного тлена, всеобщего запустения и одиночества, если у таких понятий вообще существовал собственный запах, – им было пронизано все вокруг. Печальный металлический, с нотками бетонной пыли, авторский парфюм брошенной человеком земли. Привычный любому егерю, совершавшему вылазки в Заповедник парниковых...

Миновав переулок и открывшийся за ним мертвый проспект, Яна обошла один из своих главных ориентиров – пирамидальное строение, в прошлом служившее то ли банком, то ли торговым центром. Каркас круглой эмблемы на крыше лихо накренился, но все еще держался, позволяя взглянуть высокий дом почти с любой точки Циферблата.

Обогнув массивное основание постройки, Погремушка вышла к провалу.

Пусто, безлюдно, свежих звериных следов на бетоне тоже не наблюдается. Оставленные ею нехитрые «сигналки», позволяющие выследить наглеца, решившего воспользоваться ее спуском, тоже на месте: и натянутая от столба леска, и кусок бутылочного стекла под обломком поребрика.

Сбросив рюкзак, девушка принялась раскладывать на вздыбленном тротуаре многослойную самодельную сбрую.

– Что бы послушать? – одними губами спросила она сестру, втискиваясь в корсет из ремней и альпинистских карабинов. Застегнула под бедрами две прочные металлизированные ленты.

– System of a Down, – без промедления откликнулась в ее голове Ленка, словно как раз решала, что посоветовать младшей при спуске. – Aerials, четыре минуты, почти хватит.

– Годится, – мысленно проговорила свое согласие Яна, застегивая упряжь и пинком отправляя с обрыва моток длиннющего сверхтонкого и столь же прочного каната. – Пусть будет Aerials...

Надела рюкзак, перевесила арбалет на живот.

Проверила, надежно ли застегнута набедренная кобура с раритетным наганом, потертым, но вполне боеспособным. Прощупала внутренний карман куртки, где хранился драгоценный носитель с вирусной базой. Еще раз осмотрела крепления троса и цепкость подвижного блока, обеспечивавшего скольжение вниз. Отступила на пару шагов, придирчиво оценивая, не заметна ли конструкция снаружи – ей совсем не хотелось, чтобы заблудший мародер снял тросы с обломков арматуры, отрезав ей путь к возвращению.

Завершив приготовления, Погремушка встала на самом краю пропасти, позволяя ветру трепать короткие волосы. Девушка не особенно рассчитывала на успех экспедиции – необычной, незаурядной, особенной. Но и в поражение заранее верить тоже отказывалась. Хорош тот егеря, что идет вниз, заведомо предполагая провал дела...

Она сделает все, что от нее требуется. Достаточно ли будет ее многолетней подготовки в группировке Баклажанчика, чтобы осуществить задуманное? Время покажет.

Яна глубоко вдохнула, включила портативный проигрыватель, один из беспроводных наушников которого выглядывал из ее левого уха. Выбрала нужную композицию. Едва в черепную коробку ворвались мрачные аккорды старинной мелодии, шагнула за рваный край тротуара, одновременно поворачиваясь к воронке спиной.

Слов англоязычной композиции она не понимала. Но уже в который раз убеждалась, что для восприятия искусства давно канувшей в Лету нации это совершенно необязательное условие. Язык творчества, музыки и богатых интонаций, с которыми пел солист, творил настоящие чудеса. И пусть сюжет песни до сих пор оставался для егеря загадкой, общее настроение музыка передавала, оставляя в душе чувство прекрасной злобной мощи.

В первые пять-шесть раз Яна спускалась, то и дело оборачиваясь, чтобы с замиранием сердца осмотреть открывавшуюся безрадостную картину. Потом приелось, и заново лицезреть дела рук человеческих не возникало никакого желания. Впитывать такие образы – что засохшие плевки отскрести, противно.

Она и без того знала, что сейчас за ее спиной простирается огромная – больше километра в диаметре – воронка, пробившая город до дна. Пронесется калейдоскопом, словно коржи слоеного пирога, сначала автомобильные магистрали, срезанные плазменной бритвой; затем подземные коммуникации; следом – нижние магистрали и гнезда скрытых в земле автомобильных парковок.

Еще глубже лежали линии метрополитена, на срезах похожие на норы гигантских насекомых. Затем резервное метро, бункера и бомбоубежища, трубы, коллекторы и прочая начинка, на которой стоял первый Новосибирск. Еще до того, как разделился на Циферблат и Заповедник, в котором жили странные...

Все это не интересовало Погремушку.

Да, на старых стоянках до сих пор можно найти ржавые машины, в которых еще есть чем поживиться. Если углубиться в тоннели, повезет выйти к нетронутым подземным хранилищам. Но все это – цели мародера, а не егеря. Ее же путь, как и двенадцать раз до этого, лежал в ином направлении...

Даже не оборачиваясь, Яна ощущала на своей шее дыхание сдохшего в агонии прошлого. Прикосновение иного мира – третьего, если считать «стекляшки» и Кольцо самостоятельными вселенными. Хотя нет. Даже не мира – иномирья, изнанки, всепоглощающей пустоты, нетерпимой к людям.

Никто из Голи не возвращался.

Никто не приносил добычу.

Те, кто рисковал чересчур удалиться от подземного царства, залегающего под Заповедником и Циферблатом, гибли на глазах товарищей. Неприятно гибли, кроваво.

Высотомер, закрепленный на левом запястье Погремушки, сообщил, что совсем скоро девушка достигнет цели. Теперь главное – не перестараться и не съехать дальше положенного, где почва и осколки бетона превратились в настоящую трясину, о существовании дна которой знают только неудачники, сорвавшиеся с тросов.

Тяжелая песня, наполненная космической тоской и ожиданием столь же бесконечного триумфа, окончилась. Прекратив спуск, Яна выключила проигрыватель и спрятала наушник в нагрудный карман: теперь любая помеха ее органам чувств может стать фатальной. Это тебе не беспомощно болтаться на канате, надеясь, что летучие мыши мирно спят.

Последние пятнадцать метров скользила в тишине. Только где-то чуть дальше по краю воронки из ломаной трубы тихонечко плескал мутный водопад, теряясь в полумраке.

Яна качнулась, зацепилась рифлеными подошвами за край подземного тоннеля, не раз выводившего ее внутрь. Оттолкнулась, раскачиваясь чуть сильнее, и на следующем рывке дотянулась до металлической пластины, выступавшей из стены. Пластины, уже не первый год носившей отпечатки ее пальцев.

Подтянув себя к темному пролому в срезе воронки, девушка шагнула на бетонный парашют, втягивая за собой хвост шнура. Отстегнулась, зафиксировала веревки вокруг ржавого рельса, как делала ранее. Включила мощный наплечный фонарь. И снова зарядила арбалет полнотелой титановой стрелой.

Впереди лежала тьма, неохотно поддающаяся лучу прожектора. Густая, наполненная отзвуками далекого эха и пульсирующей тишиной, когда подземный лабиринт замирал. Яна почувствовала, как предательски вспотели под перчатками ладони, как противно пересохло во рту.

– Погряз, ну ты же кучу раз делала такое, – назидательно прошептала старшая сестра в ее голове, стараясь успокоить и поддержать. – Ради меня, сестренка, ты же понимаешь?

Она понимала. Прекрасно понимала.

Принцип на Циферблате один – кто сколько побеждает и подсуетится, тот столько и получит.

Кто-то зарабатывает на жизнь, торгуя на блошиных рынках. Кто-то вкалывает рикшей, день и ночь набивая мозоли на пятках. Кто-то выращивает дряблые овощи или охотится на крыс, поставляя в магазины свежее мясо. Кто-то поставил на кон жизнь, пытаясь одолеть Лотерею. А она и ей подобные уходят под землю. В опасный и незнакомый мир парниковых, где все совсем иначе, а зазевавшегося ждет пуля или укол тазера.

Это ее выбор. Ее и Ленки, погибшей больше десяти лет назад...

Яна сверилась с самодельной картой, нанесенной на лист мягкого пластика люминесцентными красками. Спрятала за отворот куртки, двинулась вперед. С каждым новым шагом гнездившийся под землей гул становился все отчетливее, все жирнее.

Это забавлялись со своими высокотехнологичными игрушками молчуны, искренне полагающие, что живут полноценной жизнью. Пробивающие тоннели, проводящие новые линии подземного транспорта, строящие высокие дома и беспрестанно латающие бронированные Теплицы из полуживой массы активного nanoорганизма. Активные и трудолюбивые, словно аквариумные хомячки, роющие ходы в горах древесных опилок или вьющие гнездышки из старых газет.

Но забавными эти «хомячки» кажутся только тем, кто никогда не сталкивался с Лотереей.

Остальным, кого та коснулась хоть краешком траурного одеяния, образ жизни нелюдей забавным или занятым не казался. Домашняя кошка и пустынный тигр тоже выглядят похожими существами. Но если первого ты бесстрашно вступишь в дом, позволяя мурлыкать подле

ребенка и ловить грызунов, то второй безжалостно порвет твою глотку когтями, вылакав кровь до последней капли.

– Парниковые – не люди, – сказала в голове Погремушки ее мертвая сестра. – И все, что они делают, от штамповки выродков до охоты на обитателей Циферблата, права на существование не имеет.

– Я знаю, – беззвучно ответила ей Яна, поудобнее перехватывая арбалет и напряженно прислушиваясь, не заскребут ли по бетону тоннеля крысиные лапки. – Я помню...

Разрезая тьму лучом прожектора и постоянно сверяясь с тускло светящейся картой, девушка углубилась под накрытое стеклянными полусферами сердце запретного Новосибирска.

5

«Основой коммуникации крыс, как известно, является горловой свист в ультразвуковом диапазоне. Его преимущество состоит в том, что такой способ общения не может быть перехвачен хищниками или врагами среды обитания. В частности, напуганный крысенок издает серию крайне громких звуков, однако же совершенно неслышимых для человека. Также доказано, что крысы способны оперативно менять частоту сигналов, достигая в этом умения поразительных результатов».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

Поначалу Сорока даже не уразумел, что произошло.

Отстранившись от базарного гомона, умело и бездумно, как привык, перебирал выложенные на прилавок товары. Протирал тряпкой, старался расставить наиболее привлекательно с точки зрения подходивших покупателей. Водрузил на огонь кастрюльку, в которой заваривал бодрячок, подложил в печь пару свежих прессованных таблеток сухого горючего.

А люди все подходили и подходили.

Сначала один, совсем смущенный, глаз не поднимал почти. Сорока его не помнил толком, вроде как тот обувью торговал на соседнем ряду. Гость что-то негромко говорил, головой качал печально. Парень ему в ответ тоже кивал. А вот о чем болтали – как отшибло!

Затем еще двое пришли.

Эти держали точку по продаже радиодеталей и прочей электронной требухи. Держались тоже неуверенно, но хоть землю не буравили, старались смотреть в лицо. Лиц, кстати, Сорока тоже не запомнил. Разговора – тоже. Невесть почему парочка пообещала, что, если понадобится, они могут кому-то что-то передать. Если Сорока сам не успеет. Тот поблагодарил, не совсем понимая, за что поклоны раздает, и от услуг вежливо отказался.

Потом появились двое парней от Тугого.

Из тех, что охраняли рынок. Бывшие желтопузые вроде, но точнее Сорока не знал. Да и вообще мордovorотов местных различал с трудом, они же все будто инкубаторские... Широкоплечие быки говорить лишнего не стали. Руку пожали. По-простому сдвинули товар Сливоносого на край прилавка, развернули принесенную скатерку – а там фляжка армейская, стопки жестяные, кусок колбасы да хлеба ломоть.

Без лишних слов разлили на троих. Что-то пробормотали, словно на перроне перед уходящим поездом прощались. Ну и выпили. Дважды. Сорока с ними тоже пил, ясное дело. До сих пор не совсем понимая, что происходит. Да и не вникая толком, уж слишком тихими стали звуки окружающего мира.

Флягу, самогон и закуску крепыши оставили. Сказали, за вещами завтра к Вардану лично зайдут. А колбаску он может доест, натуральная свинина, мол. По-отечески так по плечу потрепали. И ушли, куря самосад в огромные кулачищи.

И вот только когда сивуха ударила в живот, а затем сразу в голову, до Сороки наконец дошло. Докатилось, долетело, и будто восковые затычки из ушей вынули. А в лицо словно снега пригоршню бросили. Да еще по затылку затрещину отвесили недетскую.

Ноги подкосились. В голове зашумело, да так на стул свой продавленный и упал, словно в кисель превратился.

Вспомнил. Осознал. Словно вечность прошла, а ведь часы в контейнере напротив показывали всего 13:17. И навалилось сразу на ребра так, что дышать стало невозможно. Хрипя, сопя и краснея, вспоминал Сорока события последних двадцати минут...

– Совсем скоро, буквально через каких-то три минуты, дорогие друзья, вы узнаете, кто заплатит за обеспеченную жизнь Ларисы из Восьмичасового Сектора!

Утренний ведущий за время эфира, казалось, не только сил не растерял, но голосил еще торопливее и задорней. А может, наглогался чего...

– Внемлите мне, дети Циферблата, ибо вновь на ваших глазах вершится доброе и справедливое!

Сорока, от скуки занятый изучением маркировки на новеньких банках тушенки, вздохнул и поднял голову к приемнику. Этот жест по всему рынку повторили сотни продавцов и покупателей. Все те, кто поставил себя на кон, мечтая выиграть огромные деньги, но рискуя потерять жизнь. Ради справедливости. Ради закона сохранения энергии и равенства шансов...

– Итак, друзья, – прокрипел старенький приемник, лучась состраданием и одновременно счастьем, – в этот раз «оранжевый билет» достался жителю нашего города по имени...

Казалось, весь базар затаил дыхание.

Так бывало каждый месяц. Все, кто не смог выиграть миллион, приникали к радиоприемникам, чтобы после озвученного имени шумно выдохнуть, без потерь выскользнув из дуэли со смертью. Сорока даже хмыкнул, наблюдая, как сутулый немолодой продавец тканей напротив через торговый ряд закусил губу и сжал кулаки.

– Павел Сорокин, житель Трехчасового Сектора Новосибирского Циферблата! – огласил ведущий. – Если Павел сейчас с нами, передаю ему свои искренние соболезнования. И пусть его уход станет вестником того, что ровно через месяц еще один счастливец выиграет безбедное будущее, за которое мы должны быть благодарны укрытым Куполами корпорациям...

Сороку ударило под дых.

В ушах зазвенело, мгновенно вспотели ноги.

Он оцепенел. Банка тушенки выпала из рук, по дуге укатившись под прилавок.

Первой мыслью было: это не он! Мало ли в Новосибирске с его многомиллионным населением Павлов Сорокиных? Даже проживающих в секторе Трех Часов. Затем он поймал взгляд сутулого, и по сердцу будто резануло ножиком.

Второй мыслью было: произошла страшная ошибка. Он обязательно разберется, и когда из Инкубаторов пожалуют охотники за разумной дичью, все встанет на свои места. Вернется на круги своя. И сегодня вечером они с Ливнем выпьют самогона, закусив вкусным ужином...

– Силы Местной Самообороны уже предупреждены о вручении «оранжевого билета», – продолжал традиционную речь ведущий розыгрыша. – Согласно политике о невмешательстве, они приложат все силы, чтобы во время награждения победителей Лотереи не пострадали мирные жители и не был нанесен ущерб имуществу новосибирцев. Тем же, кто невнимательно следит за проведением игр, я хочу напомнить, что любая помощь Павлу Сорокину будет расценена как диверсия против Лотереи, а потому спешу предостеречь слушателей от вмешательства в процедуру награждения...

Дальше Сорока не слушал.

Он вообще перестал что-либо слышать, продолжая стоять за прилавком живой статуей. Пока еще живой. Затем парень начал медленно двигаться. Подложил горячего в печь, протер коробки с товаром. А чуть позже стали подходить сочувствующие, которых он почти не помнил...

Стеснительный продавец обуви. Электронщики, предложившие передать завещание тому, кого бедолага посчитает своим правопреемником. Парни Тугого, передавшие, что с опла-

той квартиры компаньоны могут не спешить и если сейчас с деньгами неважно, босс сделает отсрочку.

После его накрыло душной волной осознания, и Сорока повалился на стул.

От выпитого в голове шумело и мешало думать. Над прилавком еще кто-то нависал, что-то бормотал, пытался пожать руку. С ним, живым мертвецом, прощались все: как те, кто знал парнишку раньше, так и те, кому только-только ткнули в неудачника пальцем.

– Мой тебе совет, – доверительно прошептала фигура без лица и имени, которую Сорока наблюдал как сквозь дымку смога. – Сидишь на оружии, все при тебе. Не давай ублюдкам шанса, земляк. Говорят, пару лет назад кто-то из желтопузых так и сделал. Они его нашли, а мужик табельный ствол в рот – и бах! Хоть как-то испортил ублюдкам удовольствие...

Фигура удалилась. Появились новые.

Но слова так и звучали в ушах продавца, навевая страшные образы. Его сочувственно хлопали по плечу. Обещали присмотреть за лавкой, пока не вернется Сливоносый. Советовали быстрее написать письма любимым. Напиться вдрызг, в конце концов.

Сорока обмяк, невидящим взглядом уставившись на часы над контейнером с тканями. Туда, где электронные секунды его жизни продолжали испаряться, как вода с нагретого солнцем камня.

А затем маховик мыслей завертелся все быстрее и быстрее, стряхивая пары алкоголя, словно парень и не пил. Сумбурно, наперебой, сбивчиво, но предположения различной степени бредовости все же закружились в сознании.

Он встал со стула, встряхнувшись бродячим псом. Конечности слушались плохо, будто отлежал и руки, и ноги. Но он не позволил себе сесть обратно. Глядел на часы и думал о своем...

Чаще всего получившие «морковку» сдавались. Безропотно возвращались домой или шли в парк, где, завершив мирские дела, предавались размышлениям и ожидали парниковых, пришедших по их душу.

Чуть реже пытались бежать. Пару раз, говорят, даже за пределы Циферблата, хотя такая судьба не лучше пули в лоб. Другие терялись в городе, делая «награждение» таким, каким его хотели видеть нелюди из «стекляшек». Азартным, наполненным погонями и даже перестрелками. Иногда затянутым на несколько дней. Реже – недель.

Несколько раз – и тут незнакомый мужчина с историей про желтобрюхого не врал – проигравшие кончали с собой. Выпивали яд или бросались с крыши, а если позволяли возможности, то стрелялись. Что-то поговаривали про тех, кто пытался за деньги заручиться поддержкой бандитов. Но когда тех автоматически записывали в пособники, улицы краснели от крови: с оснащением ловчих не могли тягаться даже силы Местной Самообороны, носящие форменные черно-желтые бронежилеты.

Было и так, что в пособники уходили добровольно.

Сорока слышал легенду, что года четыре назад парниковые «наградили» совсем молодую пару. Вытянул «морковку» он, а она отказалась его бросать даже на смертном одре. Когда милков нашли, пара перегрузилась наркотой и занималась любовью в тесной комнате старого общежития. Тогда изрешетили обоих, сплетенных в единое последнее целое. Говорят, корпоративные псы из Девяти Куполов были особенно счастливы настолько романтическим стечением обстоятельств.

Некоторые пробовали сдаваться. Вступать в переговоры. Умолять.

Про таких потом вспоминали не очень хорошо, ибо весь город знает: если ты участвуешь в Лотерее, будь готов и к деньгам, и к расплате. Парниковые, естественно, слушать не желали. Они вообще не умели слушать, эти выродки из сверкающих небоскребов, результат древнего дурацкого эксперимента по возведению человека на новую ступень эволюционного развития.

Просто расстреливали бедолаг. Иногда резали – все зависело от конкретного характера того, кто возглавлял «награждение».

Еще шептали, что где-то на Циферблате существует мифическое сопротивление парниковым и их беспощадно-щедрой игре. Круг Противодействия, дескать, так они себя именуют. Хотя кто в точности именуется и перед кем именуется, было неясно: за годы игр подпольщики не спасли ни одной жизни и ни разу не проявили себя активными действиями. Впрочем, если над целым городом нависает беда, пусть даже добровольная, люди обязательно придумают сказочного защитника, так уж устроена натура...

– Пашка? – позвали его слева.

Сорока затравленно обернулся, чуть не надув в штаны.

Пришли! Так быстро?! Быть того не может... Но в железном контейнере, переделанном под магазин, не было никого. Так кто же тогда окликал? И кто на всем белом свете, кроме желтопузых и корпоративных убийц, знает, что его зовут именно Павлом?

– Пашка, сынок? – негромко позвали справа.

Он снова метнулся в сторону, чуть не опрокинув прилавок.

Несколько местных торговцев, направлявшихся к бедолаге выразить соболезнование, испуганно замерли на месте. Поспешно сменили курс. Потому что какой-то процент «победителей» при звуках своей фамилии, произнесенной на награждении «билетом», терял рассудок. А что может выкинуть безумец, торгующий пистолетами? Лучше не проверять. За ним сегодня приедут, а людям тут еще жить и бороться за пропитание...

– Да не кипишуй ты, балда, – попросил все тот же голос, и Сорока, к собственному ужасу, вдруг узнал в нем родного отца.

Не того небритого строителя бараков, что пришел жить к маме после бегства папашки. А настоящего отца – подарившего ему жизнь два с хвостиком десятка лет назад. И пусть в последний раз слышал его Паша давным-давно, еще когда под стол пешком ходил, успев напрочь позабыть, сейчас ни с чем иным спутать не мог.

Голос этот, что напугало парня не меньше последних новостей по радио, звучал в его голове. Четко, раздельно, до мурашек по коже реалистично.

– Батя? – хрипло выдавил Сорока, заставив еще нескольких сочувствующих разом сделать вид, что шли они вовсе не к лотку Сливоносого.

– Ну точно, балда, – грустно вздохнул отец. – И как я такого олуха родил?

– Ты чего?.. – только и просипел «победитель», не замечая, что говорит вслух.

– Как чего? – удивился тот, невидимый и неслышимый ни для кого, кроме родного сына. –

Помочь хочу... Или ты решил сдаться?

Сорока замолчал.

Глотнул гадко-теплого бодряка, расплескав на грудь. Закусил губу, не замечая, с какой досадой и тревогой разглядывает его сутулый из ларька напротив. Пройдет пара часов, и этот человек со взглядом, полным печали за судьбу незнакомца, одним из первых укажет молчунам, куда направился приговоренный. Лишь бы отвалить подальше и побыстрее. Лишь бы жизнь шла своим чередом, а над рынком не свистели дурные пули...

– Так что, балбес, слушать будешь? – осведомился папаша, когда Сорока перестал нервно хрустеть пальцами и замер. – Оглянись-ка.

Медленно, словно во сне, Сорока осмотрел ларек Сливоносого Вардана.

Печка, прилавок, коробки с лежалым товаром, стул и даже короткий топчан в глубине. Пачка лапши, мешочек с заменителем соли, несколько грязных ложек в уголке, который парень привык считать кухонным.

– Вот же утырок! – Отец недовольно повысил голос. – На прилавок смотри! Верно тот мужик сказал, на патронах же сидишь! Хотя, если лапки кверху поднять собрался, я тебе не советчик... Ага, осознал?

Последний вопрос батя задал, когда взгляд Сороки упал на вереницу пистолетов, тонкой цепью прикованных к прилавок сквозь скобы спусковых крючков. Затем – на коробки с патронами. На аптечки, принесенные Сливоносом целую вечность назад.

– Ну а дальше сам решай, сынок, – уже добрее, по-настоящему любя и без раздражения, произнес родитель. – Но сдаваться этим тварям не смей. Не той породы Сорокины. Согласен? И пропал. Как не бывало.

Сорока, на всякий случай еще раз обернувшись, повторно осмотрел пустой ларек.

С крыш рифленых железных контейнеров за ним наблюдал один из боевиков Тугого. Смотрел с интересом и любопытством, как на пережеванного тележными колесами енота. Сам подохнет или придется помогать?

– Батя? – одними губами спросил Сорока, уже догадываясь, что ему никто не ответит.

Он не верил в призраков.

Не верил, и все тут. Не существовало в мире загробной субстанции, и не было в окружении парня тех, кто мог бы доказать обратное. Выходит, он только что говорил сам с собой... Говорил искренне, забытым, выкопанным из глубин подсознания голосом отца, желая самому себе добра и твердости.

Не обращая внимания на трясущиеся руки, Сорока подступил к стойке и принялся торопливо перебирать пистолеты. Не как продавец, собравшийся впарить случайному прохожему лежалую некондицию. А как дотошный покупатель, придирчиво осматривающий каждый боек, каждую пружину и дульный канал.

Когда пистолет был выбран, Сорока упал на колено, чтобы не было видно зевакам снаружи. Притаившись за прилавком, он начал набивать компактный кордуровый рюкзак всем, что считал нужным его взбудораженный рассудок.

– Объект перешел к действиям, Почитаемый.

– Активность нейронов миндалины мозжечка подавлена на 78 %, давление стабилизируется. Почитаемый, мы отметили усиление кровотока в зоне Брока... предположительно, принятию решения о бегстве поспособствовали слуховые галлюцинации... Предположительно, вызванные алкогольным опьянением... Внести данные в отчет?

– С фиолетовой пометкой. Возможно, мы не приняли во внимание повышенный индекс пространственно-образного мышления выбранного объекта...

– Корректировка проведена, штрих выставлен. Почитаемый, наблюдаю повышенную активность коры головного мозга. Стратегия поведения объекта выбрана и подкреплена внутренним моральным одобрением.

– Эмоции страха окончательно нивелированы. Запрашиваю дополнительное глубинное сканирование. И переправьте обновленные данные в базу Старшего Прозревшего...

– Будет исполнено. Якорная точка от начала процедуры – 14,7 временной единицы. Присовокупляю информацию о виктимном профиле объекта, социальном положении, узнаваемости в ареале обитания, физических данных с поправкой на стартовый выброс адреналина.

– Почитаемый, операторы флота вводят на посадочную орбиту новое судно...

– Краткий отчет на вспомогательную панель.

– Роботизированный межконтинентальный челнок «Цирцея», маршрут Берлин – Новосибирск, класс грузоподъемности В. На борту комплектующие браслетных компьютеров и партия голографических нанолинз. Объектами повышенной важности отмечены два биологических объекта: разнополая пара леопардов, приобретение в немецком зверинце. Идентичность объектов 97 %, отметка созревания 89,4 %. Замедлить разгрузку до окончательного созревания?

– Продолжать в штатном режиме, рекомендую дозреть по месту в новых условиях проживания. Завершайте вывод на орбиту и передавайте челнок навигаторам Западного Кордона... Смотрящие Со Стороны, запрашиваю отчет о внешнем социальном отклике...

– Почитаемый, модуляция сотрудников СМИ успешно завершена. В трансляцию включаются четыре зарубежные телекомпании, отчет выслан. Добро на аэросъемку получено, пошлины уплачены, летательные аппараты иностранных компаний уже направлены к месту проведения процедуры. 2 временные единицы назад журналисты Беседки начали представление с комментариями в прямом эфире и общим приемом ставок.

– Подключайтесь к прямому эфиру, трансляция без купюр...

6

«Удивительным беспозвоночным, обгоняющим в уровне интеллекта многих позвоночных животных, является осьминог. Несмотря на катастрофическое загрязнение океана и вымирание этого вида, эксперименты с ним продолжаются и по сей день. Так, достоверно установлено, что осьминоги дрессируются, обладают хорошей памятью, различают геометрические фигуры и обучаемы простейшим арифметическим действиям. Все это подтверждает научные теории начала XXI века, согласно которым существа со столь развитыми органами, используемыми в качестве орудий труда и охоты, склонны к активному развитию своего вида и формированию более сложного сознания».

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

Удовлетворение.

Мыслеформа, и без того сопровождающая жизнь Петроса большую часть времени, сейчас была как никогда яркой и приятной. Удовлетворение от работы. Удовлетворение от семьи и ее достижений. Удовлетворение от сексуальной стороны существования или поэтапного продвижения по службе. В этом богатом на оттенки понятии логосолитона сплелось все, чем мужчина дышал и мыслил, переполняя естество благостными нотками необходимости обществу и родным людям.

Музыка, настраивающая на повышение профессиональной эффективности, вышла на новый виток. Центральная буровая машина оставалась покорной и чуткой, реагируя на малейшие изменения траектории. Находясь на безопасной поверхности, Петрос собственными руками укреплял величие родного города, действуя с точностью отлаженного механизма.

Сопровождающая гусеничный бур флотилия из мелких уборочных машин сновала вокруг флагмана. Подчищала породу, сортировала металлический мусор, отброшенный к краям тоннеля, укрепляла стены струями светло-серого пенобетона. Покачиваясь на волнах музыки, оператор сам стал машиной. Не одной – сразу пятью, вгрызавшимися в подземелья Новосибирска с монотонной грацией и неумолимой мощью.

За несколько часов после принятия вахты он прерывался только дважды. Один раз – сходить в туалет, расположенный в задней части модульного офиса. И еще раз – чтобы налить себе горячего кофейного напитка из кухонного комбайна в уголке для отдыха.

К обеду, что уже был не за горами, управляемый Петросом караван прошел почти пять десятков метров. Каждый их миллиметр был заботливо нанесен на электронные карты строящейся транспортной схемы. Каждое действие протоколировалось и заносилось в отчеты.

Шипя химической сваркой, трубопрокладчик наводил систему для отвода возможных грунтовых вод, иногда встречавшихся на такой глубине. Бетонная пушка гулко била в овальные своды там, где сканирование почв выдавало хотя бы минимальную возможность обрушения. Когда бур обваливал чрезмерно большое количество породы, вперед на паучьих ногах выступал экскаватор. Ювелирно взмахивая ковшом, он загружал прессовочные резервуары грузовика, утрамбовывающего почву в компактные кубы.

Каждое действие было максимально эффективным и оправданным.

Вся техника двигалась, словно в танце, не мешая друг другу и демонстрируя высочайший уровень умений своего дирижера. Вся она, так же как сидящий на поверхности машинист, испытывала удовлетворение.

А затем датчики бура зафиксировали странное, и от сыпанувших на экраны искр зарябило в глазах...

Нахмурившись, Петрос отнял руки от джойстиков и трекболов, с помощью которых управлял мобильной пенобетонной пушкой. Выключил музыку, в условиях экстренной ситуации сбивавшую с мысли.

Глотнув кофейного напитка, он всматривался в объемную голографическую карту, развернутую на панели справа от основного пульта. Взгляд его прикипел к пирамидальной области, мерцающей предупредительным красным цветом.

Остановив технику и переведя ее в режим экономии энергии, Петрос еще раз сверился с картами. Со старыми, можно даже сказать – древними картами, в большей своей массе неточными, но дававшими хоть какое-то представление о подземных коммуникациях Старого Города. Затем наложил на объемное изображение пунктирную схему специалистов, рассчитывавших план строительства новой низкоуровневой магистрали.

Внимательно изучил отчеты канализационных служб. Соотнес данные с текущим графиком работ. И в очередной раз убедился, что бур обнаружил нечто, не обозначенное ни на старых, ни на новых план-схемах строительной корпорации.

Соприкасаясь с основным тоннелем под углом в 28,5 градуса, на объемной карте вскрылся еще один проход. Почти параллельный, расположенный на шесть отметок выше его персонального уровня работ. Довольно широкий, мощно укрепленный изнутри и мешающий вести намеченное прохождение.

Бур, неудачно подставивший лазерный теодолит под кусок отлетевшей арматуры, послушно отполз. Замер, продолжая передавать наверх скудную информацию, собранную датчиками внешнего наблюдения.

Откатившись на стуле к вспомогательным пультам на левой стене кабины, Петрос попытался связаться с Евгением. Уже опустив ладони на передающий планшет, он начал формулировать мыслеформы, с помощью которых намеревался просить коллегу о помощи. И только после этого вспомнил, что у напарника заболела дочь. И о визите к угрюмому Лисницкому вспомнил, общение с которым было одним из немногих мнимообразов, выбивавшихся из картины глубочайшей удовлетворенности собственной работой...

«Оператор 53. Нештатная ситуация, – переместившись к планшету внутренней корпоративной связи, протранслировал Петрос, одновременно делая пометки в сетевом рабочем журнале. – На отметке 12/74.2 буровая флотилия бригады № 8 наткнулась на незапротоколированное ответвление старинной системы подземных ходов. Прошу специалистов откликнуться и провести анализ. Требуется группа подземной разведки».

Вернувшись к экранам, на которые флотилия «Конструкций «СибСтроя» транслировала изображения с многорежимных камер, Петрос продолжил изучать проделанное буром отверстие. Сейчас туда были нацелены объективы и сканеры сразу трех машин. Это худо-бедно позволяло оценить пролом и даже нанести его трехмерную схему на существующий проходческий план.

Да, теперь сомнений не осталось.

Дыра в старый тоннель. Возможно, в ту самую резервную ветку мертвого метро, существование которой предполагали историки, этнографы и археологи. Пролом был немалым, метра четыре высотой и минимум два в ширину. За ним, подсвеченные фонарями бура и экскаватора, смутно виднелись противоположные стены, покрытые провисшими связками проводов.

Однако же это не станция «Мочище», поиск которой входил в его второстепенные задачи. И, даже наткнувшись на верный след, он обязан продолжить движение по заданным направлениям. За обнаруженный тоннель, конечно, тоже могут премировать. Если при этом машинист, что становилось все более вероятным, не выбьется из графика...

С растущим раздражением оператор взглянул на экраны внутренней связи. Пустые.

С ним не спешили связаться ни в текстовом режиме, ни в режиме светомыслительной волны. Ни начальник Лисницкий, ни парни из картографического отдела. Может быть, уже ушли на обед. А может быть, заняты своими, без сомнения более важными, делами на благо корпорации и всего города.

Простой затягивался.

Физически ощущая ускользающие минуты, Петрос почувствовал, как переполнявшее его удовлетворение сменяется раздражением и даже тревогой. Офисные медицинские приборы, распластанные по стенам, отметили учащение пульса, выдав несколько световых предостережений. Мужчина отрегулировал настроение, не в силах избавиться от мысли, что, если заминка продлится более получаса, его ждет вовсе не премия, а самый настоящий штраф. Разбирайся потом, по чьей именно вине вхолостую жгло электричество крохотное буровое воинство...

По истечении четверти часа Петрос встал со стула, уже не в состоянии удерживать раздражение и досаду. Снова отреагировал на предупреждения надзорной медтехники, зафиксировавшей скачок эмоций.

Еще через две минуты повторил сообщение о необходимости срочного вмешательства экспертов. А еще через шесть принял окончательное решение лично спуститься в зону работ. Оценить повреждения буровой машины, расставить предупредительные маяки и скрупулезно задокументировать находку он был в состоянии и сам...

Походы на отведенные участки работ случались нечасто. Но и особенной редкостью тоже не были. Только в прошлом цикле Петросу довелось дважды покидать пост. Один раз – когда бур уперся в гранитную плиту, чье глубинное сканирование пришлось настраивать лично и по месту.

Второй раз – когда разведчик, кротовый зонд, выпал в полость. Как предполагалось, заполненную газом. Тогда Петроса успели остановить еще до входа в тоннели... Как оказалось, юркий механизм свалился в огромный химерный тейп, а вместо инженера-оператора вниз отправили вооруженную огнеметами группу зачистки.

С рывком настроения вспомнив об этом неприятном случае, Петрос повторно изучил данные сканеров. Чисто, никакой биологической активности: внизу его ждали только бездушные камни, бетон и пострадавший бур.

Вынув из шкафчика плотный серо-синий комбинезон, оператор начал одеваться.

Чуть не расчихавшись от пыли, застегнул на поясе сбрую с противогазом, фонарем, датчиком радиации и токсического загрязнения, настроенным на ультразвуковую химерью волну акустическим станнером и прочей полезной амуницией.

Оставив еще одно сообщение в рабочем журнале, мужчина покинул кабину, выбравшись под слепящее, но совсем не жаркое летнее солнце.

Площадка по-прежнему гудела, скрежетала и рычала десятками силовых установок строительной техники. Стараясь не заступать за границы пешеходных коридоров, выложенных по земле крохотными светомаркерами, Петрос двинулся к спуску в подземную часть стройки. Возводящуюся высоту он рассматривал с воодушевлением и чувством гордости.

Юркий погрузочный электрокар подскочил к нему опасно близко.

Крутанулся на месте, привлекая внимание, и посигналил мягким светозвуковым импульсом. Идентификационные номера не помогли определить оператора, но Петрос догадался, что его заметил со своего рабочего места кто-то из знакомых.

Дотянувшись до желтого борта, он приложил ладонь к теплому металлу и считал слабый сигнал, исходящий из управляющего центра машины. Информации было мало, ее отпечаток с трудом пробивался через броню кара, но личность водителя установить позволил. Обернувшись в сторону модульных офисов, оператор № 53 помахал рукой Александросу из четвертой бригады, заметившему его перемещения по площадке.

Свернув на пеший спуск, огороженный от эстакады бетонными перилами, Петрос вошел в тоннели. Здесь было значительно прохладнее, чем снаружи, и он включил подогрев рабочего костюма.

Фонари, закрепленные под сводами, света давали немного, но ориентироваться в полумраке позволяли, и мужчина решительно зашагал вниз. Нашупал на поясе громоздкий передатчик, проверяя рабочую волну. И еще раз убедился, что его экстренное сообщение о находке неизвестного тоннеля никто так и не принял.

Мимо с ревом и клубами пыли проносились грузовики и подвижные экскаваторы на телескопических ногах. Эхо каталось по тоннелю, играя в прятки само с собой; где-то в глубине урчало и грохотало – это отработывали свои участки инженеры-проходчики из соседних бригад.

Петрос шел вниз, почти не сверяясь с картой.

За несколько вахт работы на данном направлении он изучил систему ответвлений как свои пять пальцев, а потому ориентировался даже без световых указателей, развешанных на поворотах специальной командой из транспортного отдела. Однако когда температура упала еще ниже, а впереди показались неосвещенные свежепрорубленные коридоры, ему пришлось включить фонарь и почаще заглядывать в лист электронной бумаги.

Поворот, еще один.

Теперь он вышагивал не по специальному проходу с пандусами для машин, а прямо по следам собственной колонны, оставленным несколько часов назад. Совсем скоро впереди открылось зарево фонарей, установленных на вверенной ему технике. Приборы на поясе молчали, не обнаруживая ни заражения, ни следов активности живых существ.

Добравшись до буровой установки и ее свиты, Петрос остановился. Осмотрел тупик и открывшийся слева провал.

Часть машин еще работала, выполняя задачи, поставленные до заминки. В частности, бетонная пушка, раздвинув во все стороны сложносоставные конечности-манипуляторы, продолжала нагнетать растворы в вертикальные потолочные отверстия, на глазах оператора создавая черновую крепь забоя. Однако там, где стена обвалилась, отметившись ошибкой на трехмерной голографической карте, грунт по-прежнему оставался неукрепленным.

Первым делом Петрос, занося отчетные мнемослайды в рабочий журнал, занялся изучением поврежденных теодолитов. С сожалением обнаружил, что базовый требует полноценной замены, а это означало отгон аппарата в гараж. Вспомогательный прибор можно было переоснастить на месте. Но в этом не было никакого смысла: его коллеги из цеха обслуживания легко проделают и эту операцию...

Все несколько минут, что мужчина провел на броне буровой машины, его взгляд притягивало к пролому. Силой воли не позволяя себе отвлекаться, он все же закончил инспекцию. Только после этого спрыгнул на землю и приблизился к темному провалу в шершавой стене будущего тоннеля. Открыл ящик на борту экскаватора, вынул несколько радиомаяков, расставил их вокруг отверстия. И подступил еще ближе, неспособный совладать с любопытством.

Согласно протоколам, он справился со своей первоочередной задачей.

Мог возвращаться, вблизи засняв причину остановки колонны и переслав информацию в центр оперативного командования стройкой. Но Петрос не спешил покидать место открытия. Так и стоял напротив пролома, нацелив внутрь яркий и широкий луч фонаря. Смотрел во мглу,

не забывая коситься на экранчик радара, и ничего не мог поделать с желанием лично осмотреть открывшуюся за дырой каверну.

Еще раз связавшись с операторской кабиной и занеся в журнал очередной запрос на срочное изучение находки, он легко вскарабкался на груды обваленной породы. Обогнул торчащие из земли и бетонных обломков штыри арматуры.

Воровато оглянулся, словно подчиненные ему роботы могли укорить своего инженера за этот легкомысленный поступок. И осторожно вошел в пролом, готовый в любую секунду включить на поясе аварийный маяк бедствия и броситься наутек.

Теперь к переполнявшему его удовлетворению щедро примешалось еще одно щемящее чувство.

Не то чтобы в добропорядочных кругах его коллег и знакомых оно считалось чем-то запретным. Нет. Но острые его проявления расценивались как проявление низкой духовной культуры. И, отчасти, мыслительной порочности. Однако сейчас Петросу на это было, в сущности, наплевать. Потому что он уже давно не испытывал такого жгучего, гнавшего вперед и ни с чем не сравнимого любопытства.

7

«Единственными представителями кошачьих, сумевших выстроить социализированное общество, остаются львы, чья популяция сегодня стремительно сокращается. Как и сотни лет назад, обязанности по «бытовым работам» в прайде лежат на самках: забота о потомстве, добыча пропитания, поиск источников воды и обустройство ночлега. В случае гибели львицы заботу о ее потомстве берут на себя товарки погибшей. При этом нужно отметить, что львы обладают зачатками механизмов сложного общения, проявляя ласку в момент приветствия знакомой особи.»

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

Выезд из-под Купола всегда ассоциировался у Артемидия со сменой цветных стеклышек, через которые дети любят смотреть на окружающий мир. Вот он ярок и прекрасен, сверкает хромом небоскребов, сияет ограненным драгоценным камнем, комфортаен, цивилизован и благополучен. И вот восьмиколесный бронированный транспорт пересекает последний рубеж, за спиной остаются шлюз и вереница КПП, и цвет стекла меняется.

Теперь он пепельный, словно запыленный, как на фотографиях с давней-давней войны или на пленках с ее же хроникой. Дома некрасивы, блеклы, убоги с архитектурной точки зрения, однообразны и стары.

Кругом кучи бытового мусора, которые местные службы не убирают или утилизируют, а просто сгребают к обочинам, чтобы не мешали движению телег и рикшей. Светофильтр меняется окончательно – гостей из метрополии встречают унылые, примитивный образ жизни пустышечников и облезлые стены многоэтажек.

Вместо псевдообъемных рекламных проекций на широких фасадах – уличные тканевые растяжки, размалеванные от руки. Вместо магазинчиков и миленьких бутиков – обветшалые лавки и блошинные рынки, где торгуют старьем и запрещенными товарами. Вместо ресторанов, кафетериев и уютных патио – стоячие закусовые и рюмочные, где синтетическое мясо жарят на открытом огне, поливая натуральным кошачьим жиром, чтобы придать хотя бы запах настоящей еды.

Шарахающиеся от бронемшины нелюди серы лицом, скованны в движениях, замкнуты. Встав на якорь в подземельях эволюционной цепочки, там же, где застряли их предки-обезьяны, они с упорством сорняков продолжают цепляться за существование, ошибочно считаемое ими за жизнь.

Селиванов оторвался от пуленепробиваемого стекла, откидываясь на удобную спинку сиденья.

Корпатрициант понимал, как много пользы приносят высоколобым антропологам и таксономистам из научных корпораций снующие вокруг скуднодушие. Осознавал, как нужна Новосибирску активная мусоросортировочная база, величаемая Циферблатом.

И все равно не мог отделаться от грызущего душу презрения. К стаям на улицах Кольца; к их варварскому образу жизни и способу обмена информацией; к забвению и нищете тех, кто живет под электронной линзой микроскопа.

Вон там несвежий бродяжка что-то оживленно рассказывает другому, столь же помятому судьбой. Скорее всего, первый источает ложь, присущую всем пустыщечникам, ставшую их сутью и смыслом жизни. А может, замухрышка только готовится обмануть приятеля, сам того не зная: сознание примитивных весьма извортливо и двулично, как, впрочем, и они сами.

В доме напротив, где от жары распахнуты все окна, молодой самец о чем-то шепчет привлекательной самочке. Стоят обнявшись, оцепенелые от ласк, глядя на пыльную улицу, и улыбаются, упиваясь самообманом слов о любви. Для того, чтобы узнать, что уже вечером кобель изменит подруге с ее бывшей одноклассницей, Артемидию даже не нужно прикасаться к невымытой коже местного жителя. Он знал эту породу, и не только благодаря нескольким выездам на награждения. Просто знал.

Серый фильтр... Серый мир...

Грязный пузырь вторичных вещей и их беспрестанного круговорота. Населявшие Циферблат существа привыкли жить в этой серости. Привыкли не замечать ее, подсознательно игнорировать, превратили в вечного спутника и союзника.

Прикосновение к чужой вещи, напитанной логосоликоном прежнего хозяина, никогда не оставит в их недоразвитых мозгах горячего отпечатка. Никогда не расскажет истории, не передаст эмоций, не наделит силой или негативной энергией, которую на Кольце именуют проклятием. Этим синантропы и пользуются, словно малые дети, волокущие в рот все, до чего дотянутся, и не помышляющие о вредных микробах или вирусах. Меняются вещами, продают их и покупают, дарят и подбирают на улицах, такие счастливые в своем неведении...

«Четыре минуты до точки высадки. – В не по-армейски комфортабельном салоне бронемашин вспыхнул светомыслительный сигнал, переданный водителем по внутренней связи. – Рекомендация к последним приготовлениям».

На Селиванова эта информация подействовала как ведро холодной воды после парилки.

Встрепенулся, собрался, придирчиво осмотрел спутников. Несмотря на то что Артемидий отправлялся на награждение уже в четвертый раз, он еще не потерял азарта к преследованию пустыщечников. Не то что высокие корпатрицианты из Министерства Управления Промышленностью – те на вылазки отправлялись неохотно, словно делая одолжение. Ходил даже слух, что где-то дюжину циклов назад один из выигравших путевку толстобрюхов передал ее своему полусупругу...

Особенную пикантность предвкушению добавляло присутствие следопыта, украсившего прошлое приключение Селиванова. Настоящего следопыта, матерого, почти переступившего порог «гамма», несмотря на юный возраст. И пусть ее услуги обходились Артемидию дороже содержания целого общежития полусупруг, он точно знал: дело того стоит.

Остальные члены жюри, готовые выписать выигрышный билет некому Павлу Сорокину из Трехчасового Сектора, вдумчиво готовились к высадке. Следопыт Клеоника, дистанционному оружию предпочитавшая ножи и ручные тазеры, все же зарядила психокоррекционный станнер, забросив его в специальную кобуру на спине. Леонидас довольствовался полуавтоматической охотничьей винтовкой и пистолетом под мышкой, рассчитанным на несколько типов боеприпасов.

Федот, четвертый боец отряда, уже участвовавший в награждении вместе с Селивановым, так же, как в прошлый раз, был увешан самым разным оружием. От икр до самой коротко остриженной макушки. Впрочем, если позволяли внушительная физическая комплекция и количество слотов на бронекостюме, отчего бы и нет?

Пятым членом жюри был совсем молодой Дионисий. Новенький в команде, но перспективный и надежный, если верить мнемослайдам Бродова. Заменял ликтора, в трех местах сломавшего ноги во время погони прошлого награждения. Оттого всю дорогу в глазах новичка светилось – для прочтения этого даже не нужно было вступать в тактильный контакт: «Я не под-

веду, патрон, можете на меня положиться!» Чтобы изучить поступавшие от Дионисия волны, Артемидию вовсе не требовалось быть альфа-эмпатом. Он и без того ощущал металлические нотки боевой готовности, излучаемые парнем.

«Две минуты», – сообщил пилот бронемшины.

А из крыши тут же выдвинулась обтекаемая башенка управляемых изнутри пулеметов, напоминавшая пустышечникам о сохранении благоразумия.

Сидящие внутри опустили зеркальные забрала тесных, повторяющих форму черепа шлемов. Активировали акустические фильтры, блокирующие речь обитателей Циферблата. Оставался риск, что во время погони тонкая электроника выйдет из строя или кто-то из нелюдей использует незапротоколированный тембр, нанеся урон геному охотника, но такая вероятность только подстегивала азарт...

Подняв руку к высокому воротнику усиленного броненитью комбинезона, Артемидий включил дистанционный передатчик логосолитонов, настроенный на общую волну. Не громоздкий и неудобный, какие стоят в любой квартире или офисе Новосибирска, а миниатюрный, едва заметный под тканью – последнюю разработку оборонных корпораций.

Эти пять желеобразных, но не теряющих формы полусфер, закрепленных над левыми ключицами членов жюри, были, пожалуй, самым дорогим оборудованием комитета награждения. После того, как группа вернется под Купола и срок аренды подойдет к концу, корпатрицианту предстоит также профинансировать непростую процедуру по чистке передатчиков.

«Место высадки. – Он ощутил, как водитель, вклинившись в волну отряда, передал яркую мыслеформу, сопроводив ее визуальным образом. – Выгрузка по готовности».

Защелкали винтовочные предохранители, загудели прыжковые батареи, встроенные в подошвы массивных ботинок. Сквозь акустические фильтры, способные выдрать из сонма аудиальной информации мерзкую речь скуднодухих, наполнявшие салон звуки казались чистыми и яркими, как первая наледь на оконном стекле.

«Следовать за мной, – на общей линии связи распорядился Селиванов, открывая аппарат бронемшины и первым выпрыгивая наружу. – Лео прикрывает спину, Клеоника находится за ним; Федот занимает правый фланг, Дионисий левый».

Броневик разродился двумя увесистыми шарами цвета старинного серебра. Выкатившись из-под днища, вспомогательные роботы с лязгом трансформировались в паукообразных созданий, переходя в режим автоматической проверки систем.

Под забралом корпатрицианта ударил ураган запахов: пыль, вонь пригорелого жира, мочевина, пот, несвежая одежда и невытые волосы, деревянные стружки и клей древесных плит, разгоряченный солнцем примитивный асфальт, испражнения редких тягловых животных и машинное масло, которым местные обмазывались для отгона агрессивных грызунов.

Возможно, ольфактопату высокого уровня эта информация бы многое рассказала о районе Двух Часов и его обитателях. Но у Селиванова пощечина запахов вызвала лишь очередную волну брезгливости.

Бронемашина, как было спланировано заранее, остановилась на окраине крупного вещевого рынка – одной из центральных площадок всего Сектора. Большинство покупателей, издали заметив хищный восьмиколесник, предпочли ретироваться в подворотни и ближайшие многоэтажки. А вот продавцы, не успевшие свернуть торговлю и замуровать жестяные контейнеры, из которых продавали хлам, остались на местах, словно парализованные ярким светом звери. Каковыми, впрочем, и являлись...

На крышах рынка, занимавшего целый район, виднелись хмурые охранники.

Откровенные бета-самцы, приставленные наблюдать за стадом травоядных; недалечно-видные, но сильные, исполнительные и злые. Приближаться к краю ареала не спешили. Наблюдали за прибытием людей издали, демонстративно спрятав оружие за спины, чтобы не быть уличенными в невольной агрессии.

Выдвинув из-под забрала щиток дыхательного фильтра, другой рукой Артемидий забросил на плечо силовой метатель, которому на охоте отдавал предпочтение перед любым иным оружием. Улыбнулся, дрожа от нетерпения. Он хорошо представлял себе, как члены жюри выглядят со стороны: рослые, затянутые в светло-зеленые бронекombineзоны; обвешанные оборудованием для награждения; сопровождаемые полуразумными механическими гончими; скрывающие лица за слепящими полосками кевларопластика.

Пустышечники оцепенели, боясь сделать лишнее движение. Должно быть, так американские индейцы косились на закованных в железо конкистадоров, поражаясь их божественному величию.

Неспешным шагом люди двинулись вперед.

Пользуясь электронным прицелом в забрале шлема, Артемидий всматривался в лица нелюдей, старательно выискивая малейшие признаки угрозы или желания поделиться информацией. Скуднодухие за лотками походили на статуи, неподвижные статуи испуганных существ, застигнутых врасплох.

Вот один отвернулся, прячась в недрах контейнера, словно это ему выпала честь выиграть «оранжевый билет». Еще двое поспешили скрыться в боковом отвороте, оглядываясь через плечо, как если бы по ним могли открыть стрельбу.

Ориентируясь по данным службы наблюдения, Селиванов уверенно вел своих бойцов сквозь рынок, приближаясь к месту работы Сорокина. Бронемашина, вертя пулеметной башенкой, осталась на окраине; одинокая в своеобразном круге отчуждения, образованном разбежавшимися местными.

Контейнер, в котором, по данным зондов-наблюдателей, работал победитель, оказался пустым. Лишь суетился за прилавком тучный носатый самец с провалами выбитых зубов, что-то свистяще бормочущий под нос и то и дело всплескивающий пухлыми лапками. Судя по всему, проводил пересчет продукции, и результаты инвентаризации его явно не удовлетворяли...

Заметив жюри, он испуганно выпорхнул в торговый переулок, что-то торопливо и сбивчиво залепетав. Фильтры, настроенные на речь пустышечников, исправно гасили вербальный мусор, которым тот осыпал Артемидию и его команду.

Догадавшись, что его не слышат, носатый замер, покорно опустив руки.

Приблизившись, корпатрициант протянул тому лист электронной бумаги. Единственный лист, на котором были размещены несколько фотографий победителя, сделанных летающими зондами ученых, а также краткая биография, которую предоставила Капитель.

На лице беззубого отразилось понимание.

Глаза вспыхнули звериной злобой. Но уже через мгновение Артемидий понял, что эта злость нацелена не на охотников – вероятно, Павел Сорокин сумел чем-то лично досадить толстому носатику. Переведя взгляд с фото на непроницаемый шлем человека, тот обреченно пожал плечами и неопределенно взмахнул рукой. Со всей очевидностью он не знал местонахождения победителя, хоть и был с ним знаком. Попятившись, затравленно обернулся, в глупости своей ожидая несправедливого наказания. Что ж, некоторые корпатрицианты, выигрывавшие путевки, иногда наказывали нерадивых помощников, хоть Селиванов таковым и не был...

За спиной произошло движение.

Обернувшись, Артемидий увидел пожилого сутулого нелюдя, выбравшегося из лотка с тканевыми рулонами. На того, застывшего под прицелами трех винтовок, было жалко смотреть: поникший, понурый, измотанный непростым существованием. Тем не менее желающий помочь. Это чувствовалось даже на расстоянии и даже через бронеткань комбинезона. Обернувшись еще раз, корпатрициант обнаружил, что носатый хозяин лотка, в котором торговал победитель, трусливо исчез.

Сутулый тем временем уходить не торопился.

И терпеливо ждал, несмотря на переполнявший его ужас. Протянул костлявую руку, указывая на фотографию Сорокина, что-то сказал. Указал на запад, в дальний конец рынка. Выдал еще одну беззвучную тираду. Вероятнее всего, собирался доложить жюри, куда подался беглец, отчего сердце Артемидия забилося чуть чаще.

Перегнав властный логосолитон в примитивный внешний передатчик, звуков которого сам слышать не мог, глава комитета трансформировал мыслеформу и бросил сутулому одну-единственную фразу:

– Сорокин вещь собственность.

Механический голос, усиленный динамиками костюма, разлетелся над торговым кварталом, заставив пустышечников поморщиться и с недоумением взглянуть на старшего ловчего. Так домашняя кошка смотрит на своего хозяина, когда тот самозабвенно мяукает ей, находя это забавным...

Наконец, сообразив, чего хотят от него люди в охотничьих костюмах и с оружием наперевес, сутулый метнулся в лавку Сорокина. Снял с проволочного крючка небольшой радиоприемник на солнечных батареях, раболепно передал Селиванову. Тот, покрутив примитивную вещицу в руках, тут же перебрал ее Клеонике.

«Отпечаток, – почти сразу отчиталась следопыт на общей волне. – Четкость высокая. Вещь не принадлежала победителю, но он часто пользовался ею. Начинаю установку следа».

Сутулый самец, по-прежнему не поднимая глаз, еще раз ткнул пальцем в западном направлении. Спешно вернулся к лотку с тканями. Исходящие от него волны забитой услужливости и волевой скованности Селиванов чувствовал даже сквозь экранирующую материю комбинезона.

Но юркнуть за прилавок осведомителю не позволила все та же Клеоника.

Прыжком оказалась в шаг. Сдернула армированную перчатку и быстрым движением прижала ладонь ко лбу скуднодухого. Жест смелый, достойный только небрежливых, но за это следопытам и платили...

«Победитель обокрал хозяина, – протранслировала девушка Селиванову и другим членам жюри, без труда считав неказистые мнемоземии торговца брезентом. – Четверть часа назад. Взял чужие вещи и скрылся в направлении Куполов. След взят, можем продолжать движение».

Корпатрициант улыбнулся, сделав остальным короткий знак на языке военных.

Перехватив оружие, они зашагали по проходу между контейнерами, ускоряясь и занимая боевую формацию. От Дионисия тут же разошелся веер алого удовлетворения, помноженного на багровый азарт и лазурную боязнь неудачи. Леонидас улыбался, о чем сообщал его цветовой фон; Клеоника погрузилась в мрачную уязвимую сосредоточенность.

Сотрудники сил Самообороны Циферблата, разряженные в черно-желтые куртки и такие же бронежилеты, отворачивались, делая вид, что совершенно не замечают охотников. В их обязанности входило обеспечение безопасности мирных гражданских нелюдей, способных угодить под пулю, но ни один из патрульных не спешил вмешаться в начавшуюся погоню даже словом.

Артемидий и его люди бежали все быстрее. И все больше попадалось на их пути тех, кто, потратив миг на подобострастное осознание, покорно вытягивал руку. Вытягивал, в очередной раз подтверждая направление, по которому следопыт вела группу.

8

*«Именно птицам из семейства врановых, в частности – роду *Pica Pica*, ученые должны быть благодарны за доказательство того, что не только млекопитающие обладают способностью к узнаванию. Несмотря на то, что птицы не имеют неокортекса, отвечающего за высшие нервные функции, первые эксперименты наших немецких коллег над сороками еще полвека назад доказали, что те демонстрируют высшие проявления человеческого умения узнавать себя в зеркале, развивавшиеся параллельно с известной эволюционной историей позвоночных. Благодаря этому открытию сорока была поставлена в один ряд с такими высокоинтеллектуальными млекопитающими, как обезьяна или дельфин».*

«Социализация высших млекопитающих и иных живых организмов»,

д. б.н., академик РАН,

ректор Российско-Европейского Университета систематики и экологии животных СО РАН

Эльдар Котляков,

2064 год

План стал трещать по швам через каких-то пятнадцать минут.

Ничтожных пятнадцать минут, в течение которых Сорока почти поверил, что его замысел удался. А ведь он почти все предусмотрел, и если бы лишь чуточку раньше сорвался с места... Впрочем, если бы у бабушки был зеленый хвост, она была бы крокодилом...

На его след сели, едва парнишка успел покинуть рыночный квартал.

Нет, он не сразу заметил своих преследователей, безжалостных прямоходящих хищников. Но по гулу голосов, завертевшемуся над контейнерами, словно взметнувший листву осенний ветер, мгновенно догадался, что за ним идут.

И тут же понеслось совсем рядом, едва ли не обгоняя: шепотки, вытянутые руки, приоткрытые рты. И новые шепотки. Люди на тротуарах, на балконах и в закусокных под открытым небом... все они смотрели, запоминали, становились причастными.

Кто-то хлопал в ладоши, узнав обладателя «морковки» и желая поддержать. Незнакомая девушка в окне второго этажа задрала майку, качнув обнаженной грудью, подбадривая его криками и задорным свистом. Стайка мальчишек устремилась следом, бросаясь мелкими камнями, но без особенного энтузиазма, вскоре отстав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.